

В ПОИСКАХ ДОРОГИ

ПРОЛОГ

Госпожа спускалась по ступеням собора, элегантно придерживая подол расшитого платья двумя пальчиками левой руки. Правой она опиралась на крепкую руку своего кавалера.

Лиз с широко распахнутыми глазами стояла среди толпы попрошайек, не отрывая взгляда от лакированных красных башмачков, мелькавших среди пены белоснежных нижних юбок.

Красные башмачки-вот, что было самым важным в целом свете!

"Хочу такие! Боже! Как я хочу такие башмачки!"

Госпожа прошла по ступеням и села в карету с герцогскими гербами. Пажи швырнули с запяток в толпу нищих горсти медных монет.

Из окна отъезжающей кареты молодая герцогиня Дармштадская отметила, что только девочка — подросток в сером платье осталась на ногах среди упавших на колени оборванцев, что выуживали монеты из щелей булыжниковой мостовой.

Прижимая к груди корзинку с головкой сыра, Лиз смотрела вслед карете пока она не скрылась за углом.

Тяжело вздохнув, она поспешила домой, цокая тяжелыми деревянными башмаками по мостовой.

Впрочем, домом это место она называла только по привычке. Ведь если люди живут в "этом", значит, это дом?

Ветхое здание в два этажа на окраине города служило приютом для двадцати семей беженцев из южной Гевтонии.

Они уже два года жили здесь из милости местного бургомистра и исправно платили по гильдену в месяц за каждую комнату.

Лиз потеряла родителей во время бегства из окрестностей Грюнштадта. Что с ними стало она не знала, да и не узнает теперь. Бывший мастер цеха портных Йоган Шульц и его супруга Марта взяли девочку с собой. Выбившаяся из сил девочка, безучастно сидевшая на обочине дороги привлекла их внимание.

Их дети уже завели перед войной собственные семьи и старики об их судьбе ничего не знали. Втроем на коленях каждый вечер Йоган, Марта и Лиз молились о своих пропавших родственниках, в душе понимая что вряд ли когда их увидят.

Здесь в Неймегене Шульц не смог сразу же вступить в гильдию портных. Требовался первоначальный взнос-пятьсот гильденов. Не будучи членом гильдии он мог принимать заказы только тайком и довольствоваться любым вознаграждением. Горожане же предпочитали расплачиваться плодами своих рук. Как, например, сегодня, молочник-сыром.

Гильдейский староста уже делал предупреждение Шульцу-следующий раз его могли отвести к городскому судье. С точки зрения местных законов Шульц занимался незаконным промыслом. Но старик всю жизнь шил одежду и ничего другого делать не умел. Лиз понимала что пятьсот гильденов ему никогда не скопить. Жизнь в Неймегене была не дешевой.

Сегодня на ужин к травяному чаю был ломтик сыра. Лиз ела его долго, откусывая

маленькими кусочками, растягивая удовольствие.

Сырную головку Марта спрятала на ключ в сундук.

После ужина Лиз отправилась к соседям-башмачникам Хагену и Софии.

Софи отложив драгву, вышла в коридор.

Отхожее место было просто ровиком в глубине двора и женщины ходили туда не меньше чем по двое, чтобы можно было присесть, прячась за юбкой спутницы без страха быть замеченной кем-то.

Лиз присела за широкой юбкой Софии, стараясь не дышать носом. Из ровика воняло удушающее...

Устраиваясь спать на тюфяке с соломой, Лиз тоскливо подумала о том что еще один беспросветный день окончен. Впрочем, сегодня было яркое пятно-красные башмачки той леди на ступенях храма...

В Неймегене все профессии были сведены в гильдии. Даже была гильдия служанок. Не состоя в ее списках, что требовало внести взнос в пятьдесят гульденов, Лиз не имела права работать служанкой. Шестнадцатилетняя, худенькая для своих лет, девушка резво бегала по городу, разнося заказы для своих соседей.

Гильдии разносчиц город Неймеген еще не придумал.

Шумный и мастеровитый, Неймеген располагался на восточном берегу реки Рир. Пологие холмы восточнее города покрыты виноградниками. Каждый квартал города имел свой храм. Стены из камня держали город в своих крепких объятьях.

Город принадлежал епископу Рирскому и на протяжении многих лет был лакомым куском для многих соседних господ: герцога Дармштадского, маркграфа Эссенского и того господина за рекой Рир, который всегда непрочь отхватить кус пожирнее-короля Конфландии.

До этого, впрочем, Лиз и дела не было. Здесь в долине Рир царил мир. По реке плыли барки с товарами. Огромный рынок шумел с рассвета до заката, предлагая все что угодно душе и телу за звонкую монету.

На пристань Лиз ходить побаивалась, уж больно грубый там народец отирался.

Сегодня с замиранием сердца девушка отправилась в северную часть города в квартал портных. Мастер Фертен заказал Шульцу две жилетки. Странно, как будто в своем квартале не мог заказать!

Но Лиз была рада этому заказу. Сын мастера Фертена, черноглазый и кудрявый Хендрик, заставлял ее сердце трепетать.

Такого пригожего парня поискать!

Местные девушки вились как мухи вокруг лавки Фертена, где Хенрик, восемнадцатилетний, стройный красавец управлялся делами под присмотром мамыши.

Но у Лиз сегодня законный предлог войти в этот дом и поговорить с Хендриком. При виде Лиз молодой человек становился любезным и галантным кавалером. Девушка краснела и бледнела одновременно, проклиная свою худобу. Даже в вырезе корсажа ей нечего показать-груди всего лишь как яблочки... Вот у дочери мастера Краузе грудь, так и выпирает наверх, словно там под платьем две тыквочки!

За квартал до дома Фертена Лиз придирчиво проверила юбку, чепец, поправила корсаж. В этом платье она просто серая мышка! Были бы у нее красные башмачки!

— Дорого дня, Хендрик...

— Доброго дня, моя птичка!

"Он назвал меня своей птичкой!"

Лиз затаила дыханье и не смогла сдержать радостной улыбки.

— Я принесла заказ...

Хендрик оглянулся. Мамаша Фертен увлеченно болтала с покупательницей.

— Неси в заднюю комнату.

— Мне нельзя туда. Мамаша Фертен будет ругаться! — испугалась Лиз.

— Не будет...

Он был рядом. Почти касался ее плеча грудью.

Лиз потупилась и, стиснув ручку корзинки, сделала несколько шагов.

В задней комнате пахло новыми тканями. Сукно, льняная и хлопковая ткани лежали рулонами в нишах шкафа.

Узкий стол в центре комнаты пуст.

— Куда положить?

— На стол...

Лиз поставила корзинку на стол и ахнула, когда крепкие руки юноши обхватили ее сзади. Она замерла. Руки же поднялись выше от талии к груди и стали мять ее через ткань по-хозяйски смело и грубо.

— Пусти...

— Ты сама этого хочешь... Не ломайся, птичка моя...

Горячее дыханье на ее шее. Грудь Хендрика прижалась к ее спине.

Лиз держалась за корзину отдаваясь грубым ласкам, дрожа от страха и еще другого неведомого ранее чувства-ощущение сладости греха заполняло ее душу...

Смелая рука заползла за пазуху... Пальцы юноши нащупали сосок груди.

Лиз пискнула и, бросив корзину, стала вырываться.

"Ну, уж это чересчур!"

Руки Хендрика стали твердыми и наглыми. Они боролись молча, пока не вмешался третий.

Хендрик завопил когда мамаша Фертен дернула его за волосы на затылке, оттаскивая, прочь. Отшвырнув сына, женщина подскочила к девушке и хлестко ударила ладонью по лицу. Багровое злобное лицо портнихи совсем близко. Ощерился рот.

— Шлюха безродная! Побирושка! Тварь! Убирайся вон!

Не помня себя от ужаса и стыда, Лиз рванулась прочь, выбежала на улицу и побежала куда глаза глядят. Щека горела, слезы текли ручьем.

Она бежала, порой натываясь на прохожих как слепая.

"Какой ужас! Какой позор! Утоплюсь!"

Она пришла в себя только на пристани. Села на что-то твердое и расплакалась.

Застиранный крошечный платочек весь вымок, хоть выжимай.

— Девочку кто-то обидел?

Вкрадчивый голос фальшив.

Лиз подняла взгляд.

Мужчина лет сорока с ухоженной бородкой, но без шляпы в когда-то богатом, но теперь замызганном камзоле.

— Мой господин послал меня спросить-не нужна ли помощь юной особе.

— Нет, нет! Помощь не нужна!

Мужчина наклонился поближе.

— Не вздумайте бросаться в воду-здесь у берега всякая грязь плавает: дохлые кошки, кухонные отбросы... Грузчики порой мочатся прямо с причала в воду. Вы же не хотите чтобы эта гадость попала в ваш прелестный ротик?

Лиз содрогнулась и быстро встав с канатной бухты поспешила прочь.

Всю дорогу до дома она переживала то что случилось в лавке Фертенов, укоряя себя за легкомыслие и податливость. Если бы она не пошла с Хендриком в заднюю комнату-ничего бы не случилось!

За потерю корзины Лиз оставили без ужина и она отправилась спать голодной.

Проснулась она под утро. Голодная, несчастная, с болью в низу живота.

Осторожно ступая вышла из комнаты во двор.

На рассвете всегда свежо и в утренней дымке город кажется таинственным, сказочным.

Аккуратно завернув юбки, присела у ровика, настороженно оглядываясь.

Тихо и безлюдно во дворе.

Есть хотелось нестерпимо.

Лиз привела одежду в порядок и прошла до арки ворот. Там жил привратник Франц-отставной солдат. Утром открывал ворота, вечером закрывал.

Хромой превратник не имел на правой руке трех пальцев и за что имел кличку "кухтопалый". Жизнь изрядно потрепала Франца, но не озлобила его. Он охотно беседовал с жильцами епископского дома и даже угощал детей сухарями.

"Мне бы один сухарик... Маленький... твердый, твердый..."

Лиз остановилась у стены дома, зажмурила глаза и так точно представила этот сухарик, квадратный, ноздреватый, прижаренный сбоку. Слюна обильно выступила во рту, а в желудке заныло.

Она представила как держит этот сухарик между большим и указательным пальцами. Какой от шершавый...

Лиз поднесла руку к лицу и разинула рот от удивления. Сухарик был в ее руке, точь в точь такой каким она представляла. Закружилась голова. Захватило дыхание... Лиз воровато огляделась.

"Мне это чудиться!"

Но сухарик пах сухариком и на вкус был обычным пшеничным сухарем.

Лиз схрумкала его во мгновение ока.

"Я колдунья?! Я все могу! Хочу золотую монету!"

Она зажмурилась и пожелала иметь в руке золотую монету. Время шло, мгновения пролетали, сливаясь в минуты, но в руке ничего не появилось.

"Это был сон?"

Лиз потерла глаза кулачками. Вкус хлеба во рту еще сохранялся. Но почему не появилось золото?

Лиз была не глупая девочка и сообразила что золота она отродясь в руке не держала, а вот сухарики часто. Она пожелала получить еще сухарик, но ничего не вышло.

Разочарование было не долгим.

"Я смогла один раз, смогу и еще раз повторить!"

У нее есть тайное знание-так здорово! И опасно...

В Неймегене каждый выходной на площади жгли ведьм по приговору церковного суда. Однажды Лиз довелось это увидеть.

Обриту наголо женщину в окровавленной грязной рубашке цепями примотали к

каменному столбу, обложили вязанками хвороста. Палачи знали свое дело. Дрова были разложены умело. Несчастливая вопила, срывая голос, когда языки пламени лизали ее ноги. Дергала ногами...

— Танцуй ведьма! Танцуй! — кричали из толпы зевак.

Полотно рубашки сгорело открыв обожженное нагое тело-самый любимый момент для публики. А потом женщина перестала кричать и огонь с ревом принял ее в свои алые объятия.

Больше на казни Лиз не ходила.

"Меня тоже сожгут-если узнают о моем даре..."

Она задрожала и обхватила плечи руками.

Тихие голоса за углом привлекли внимание девушки. Она сняла деревянные башмаки и босиком подкралась поближе.

...-тысяча гульденов-это тысяча гульденов! — вкрадчивый этот голос явно знаком Лиз.

— Для тебя Шульц это решение всех проблем. Вступление в гильдию, новое жилье! Стоит ли колебаться? Девчонка не твоя родственница. Приблудная.

— Она нам как дочь...

Голос мастера Шульца Лиз едва расслышала.

"Какая девчонка? Про меня говорят? Кто-то хочет меня купить?"

Лиз испугалась до дрожи. Ноги стали ватными.

"Надо бежать!"

Но как? Единственный выход со двора через ворота. А там сейчас мастер Шульц и обладатель вкрадчивого голоса.

Лиз решила вернуться в комнату к Марте. Уж старуха ее в обиду не даст. Даже за тысячу гульденов? Таких денег Лиз никогда в жизни не видела. Ее родители были крестьяне и кроме медных монет ничего за свой труд выгадать не могли. С шести лет девушка помогала по хозяйству, убиралась в доме, носила воду, пасла козу с козлятами.

Братья работали в поле с отцом когда налетели наемники. Лиз отсиделась в погребе за бочкой с солеными яблоками и выбралась на пепелище оставшееся от дома и сараев только на следующее утро. Потом побрела на север прочь...За нее сейчас предлагают целое состояние-тысячу гульденов! Устоит ли мастер Шульц?

Мастер Шульц не устоял. Он вошел в комнату в сопровождении незнакомого молодого мужчины в новеньком зелено-черном одеянии с гербом вышитым на груди.

— Лиз, управляющий барона Раймштейна предлагает тебе место горничной в доме своего хозяина. Я дал свое согласие как опекун твой...

Мастер не смотрел в глаза и косил в сторону.

— Ты что это выдумал, Йоган?!

— Не вмешивайся, Марта. Так надо.

— Ты что же продал ее?

— Не болтай чушь! Она уже взрослая и ей нужна работа. В доме барона ей будет кров над головой, платье и бесплатные обеды. Накопит денег и выйдет замуж. Собирайся, Лиз!

Девушка всхлипнула и вцепилась в Марту обеими руками.

— Не отдавайте меня, молю вас!

Слуга барона подал голос:

— Мастер Шульц, так все решено или нет?

Мастер вызвал в коридор жену и они там горячо шептались несколько минут. Лиз

стояла у стены, потупив взор. Она дрожала и комкала в руках платочек.

"Меня продали как щенка..."

Собирать с собой ей было нечего. Убогий узелок с бельем и все.

Она поклонилась Шульцам.

— Благодарю вас за заботу.

Твердая рука слуги взяла ее руку выше локтя в тесный захват.

Лиз запихнули в тесную повозку с узкими оконцами. Она замерла на жестком сиденье и прижала к груди узелок. Слуга напротив противно ухмылялся.

Зацокали копыта лошади и повозка затряслась по бульжникам.

— Куда вы меня везете?

— Отвыкай задавать вопросы, куколка.

— Отвечайте или я закричу!

Слуга пожал плечами.

— Кричи, но не долго. У меня есть веревка и кляп.

Лиз проглотила слюну и замерла, исподлобья посматривая на сопровождающего. Лет тридцати с длинным узким носом и тонкими губами. Злобный тип-сразу видно. Люди с тонкими губами хорошими не бывают!

Так в молчании они ехали около получаса.

Заскрипели ворота. Повозка проехала еще и остановилась.

Слуга выбрался сам и протянул руку, помогая выйти.

Квадратный, вымощенный камнем двор пуст и чисто подметен.

— Иди за мной.

Девушка шла за слугой, оглядывая робко сумрачные стены с редкими узкими оконцами.

Про барона Раймштейна она ничего никогда не слышала. Ему и впрямь нужна служанка? За тысячу гульденов?

О плохом думать не хотелось, но ничего хорошего в голову не приходило.

Слуга сдал девушку двум крепким теткам в строгих синих платьях и белых чепцах.

— Пойдем милочка, приведем тебя в порядок. — пробасила первая, схожая с мужчиной лицом и повадками.

— Меня? В порядок? Я в порядке!

— Не пугайся, девочка, мы поможем тебе вымыться и сменить одежду.

Вторая заискивающе улыбнулась.

— У тебя когда была кровь?

— Неделю назад...

— Ты была с мужчиной?

— Где?

— Глупышка, ты девственница?

— Да...

Лиз покраснела от таких расспросов, страх еще больше вырос и заполнил ее от макушки до пят. Язык словно прилип к небу.

Полупарализованная этим страхом она позволила безропотно отвести себя в теплую комнату с окнами под потолком.

Здесь девушку раздели донага и поместив в большую лохань тщательно отмыли в горячей воде в четыре руки с мылом и отдушками.

Лиз немного оттаяла и уже начала привыкать к грубоватым теткам, что мыли ее как

младенца.

Удовольствие от горячей воды, мыльной пены и мягких мочалок, неожиданное и сладкое удовольствие принесло расслабление. Страх сидел где-то в макушке, но дрожь прошла и сердце билось ровно.

В повседневной жизни Лиз купалась в прачечной на соседней улице не чаще раза в две недели вместе с теткой Мартой, но наспех и в не очень то чистой воде. Здесь же ее мыли как госпожу.

"Разве мне грозит что-то дурное? Зачем меня мыть если хотят сделать дурное? Но и курицу моют прежде чем сунуть вариться в горшок!"

После купанья, намотав на голову полотенце и тщательно вытерев, тетки помогли надеть длинную до пят рубашку тонкого полотна.

Надев предложенные мягкие домашние туфли, Лиз в сопровождении теток оказалась в небольшой светлой комнатке за столом. Сюда принесли на подносе свиной паштет, ломти сыра, свежий хлеб и и кувшинчик с вином.

Лиз с трудом удержалась от того чтобы наброситься на еду.

— Я не пью вина...может быть молока?

— Ты должна выпить этот бокал за здоровье нашего хозяина, барона Раймштайн!

— Но, я не пью!

— Пей или ты окажешь неуважение хозяину и тебя накажут!

— Меня? За что?

Мужеподобная тетка нагнулась поближе.

— Без вина не получишь еды...

Лиз заставили выпить весь кубок. Вино оказалось приятное, сладковато-кислое и совсем не горькое...

Ела аккуратно, одергивая себя поминутно: "Жуй медленнее. медленнее!"

Но голодный желудок не желал слушать уговоров.

Она скушала все и осоловела. Захотелось прилечь и подремать. Она делала усилия чтобы держать глаза открытыми. "Это от вина? Как смешно!"

— Наша птичка клюет носом!

— Пойдем мы уложим тебя на постельку.

"Какие они добрые!"

Лиз прослезилась. Тетки заботились о ней как о родной!

— Как вас зовут? Меня — Лиз.

— Хорошо, хорошо! Пойдем.

— Но спать еще рано! — запротестовала Лиз и зевнула.

Тетки отвели ее по лестнице из дуба на второй этаж в комнату без окон. Вдоль стены на скамье стояло множество зажженных свечей. От этого в комнате было светло почти как днем. Кровать, широкая как луг стояла напротив у стены, белея простынями.

— Это для меня? Вы ошиблись!

— Не спорь деточка, ложись-отдохни.

Лиз усадили на постель, размотали полотенце с головы, сняли с ног туфли.

Глаза слипались. Растроганная Лиз смотрела на служанок через пелену благодарных слез.

— Большое вам спасибо за вашу доброту!

Она легла и ее прикрыли мягким легким одеялом.

Тетки стояли рядом пока по ровному дыханию не убедились что девчонка заснула. Тогда они вышли вон. Одна из них, та что мужеподобная с басом, постучала в соседнюю дверь.

— Господа, она спит.

— Замечательно, ступайте. — отозвался мужской голос из-за двери.

Через несколько минут потайная дверь в комнате без окон отворилась.

Вошли двое мужчин. Они сбросили роскошные халаты на пол и, оставшись нагими, приблизились к кровати со спящей девушкой.

В ПОИСКАХ ДОРОГИ

Глава первая

Лиз быстренько сменила позу, как того хотел клиент.

Стоя на четвереньках она стоически претерпела грубые ласки мэтра Годо.

Когда он устремился к финалу, она закусила губу от боли. Сильные, быстрые движения могучего "корня" мэтра, казалось пронзали ее насквозь.

Бурный финал мужчины она восприняла с облегчением. На сегодня все. Этот последний. На второй заход мэтр Годо не способен.

Торговец шлепнул Лиз по голому заду и сполз с кровати.

— Милашка, сегодня ты вялая.

— Извините, мэтр...День был очень напряженным, а сейчас уже звонят к вечеру.

— Сколько у тебя сегодня перебивало?

— Вы самый сильный и крепкий!

— Плутовка! — торговец осклабился.

Лесть всякая к месту...

Серебряный талер блеснул рыбкой и замер на простыне.

Лиз накрыла его ладонью и сжала в кулаке.

За девушек клиенты расплачивались внизу при выходе с Гюнтером, прочее же можно оставлять себе.

Лиз в укромном местечке уже собрала три десятка талеров и ужасно боялась за их сохранность.

Когда торговец вышел, она скользнула за штору и подмылась над тазиком.

"Последний на сегодня...Десятый? Нет, одиннадцатый..."

После того как колокола на церкви святого Матвея звонили к вечеру двери "веселого дома" на Гнутой улочке Неймегена закрывались для всех клиентов.

Можно поужинать в компании девчонок из соседних комнат и заснуть на постели пропахшей потом и семенем разных мужчин.

В город вползла украдкой осень. Ушла влажная жара от которой даже кудри развивались.

За два года Лиз обжилась в "веселом доме".Скромная и послушная девочка, отзывчивая и готовая придти на помощь по первому слову пришлась по душе шлюхам.

"Я-шлюха..."

Лиз произносила эти два слова теперь совершенно спокойно, они больше не жгли грудь

и не звучали в ушах набатом.

Может это и к лучшему?

У нее своя комната, ее вкусно кормят и врач приходит чтобы осмотреть, каждую неделю. Зато не нужно трудиться, согнув спину на поле или по хозяйству. Раздвигай только ноги!

В воскресенье и по церковным праздникам, по правилам города Неймегена "веселые дома" не принимали клиентов и девочки, одевшись не хуже купеческих дочек в сопровождении Гюнтера или его помощников могли прогуляться по городу. В церковь вход им был строго запрещен. Тем не менее, отец Мартин из монастыря Святой Бригитты каждое воскресенье посещал заведение Гюнтера чтобы проповедовать слово божье шлюхам, исповедовать и отпускать грехи.

"А ведь завтра воскресенье! Ох, как хорошо!"

Лиз отоспиться вволю. Потом отец Мартин отпустит ей грехи, накопившиеся за неделю.

В дверь постучали. Лиз удивленно замерла.

Гюнтер в дверь не стучал, а заходил когда хотел.

— Кто вы?

— Я человек ищущий дорогу в рай. Это комната Элизы?

Мужской явно пьяный голос.

"Ишь через губу не переплюнет!"

— Уже звонили к вечеру...

— Господин Гюнтер любезно позволил мне вас посетить. Ну, открывай-же, не бойся!

— Так и не закрыто!

"Двенадцатый! Чтоб ты провалился!"

Лиз завернулась в чистую простыню и вышла из-за шторы.

Скрипнула дверь. В щели появился любопытствующий круглый глаз.

— Входите, господин...

Глаз прищурился.

— Любопытный ракурс...И перспектива...

В раздражении Лиз сбросила простыню на пол и подбоченилась. Пусть смотрит. Быстрее войдет-быстрее уйдет!

Обладатель глаза немедленно материализовался в комнате.

Среднего роста, плешивый мужичок лет пятидесяти с благостно-изумленным выражением на пьяной морде. Бородка с проседью растрепана. На расстегнутом зеленом камзоле жирные и темные пятна. Ноздри крупного носа хищно раздуваются...

"Накушался и напился. Потянуло к бабам! Хорош, нечего сказать!"

Клиент зажмурил левый глаз и посмотрел на Лиз через дырку в сжатом кулаке правой руки.

— То что надо!

— Господину помочь раздеться?

Господин махнул свободной рукой продолжая разглядывать девушку через щель.

Лиз усмехнулась.

— Что вы там увидели, господин?

Пьяненький клиент, наконец убрал кулак от глаза и по дуге обошел Лиз, разглядывая странно, словно не на голую женщину смотрел, а на статую!

Девушка выпятила грудь. Пусть небольшая, да ладная!

Клиент поморщился. Сел на постель и откинулся на спину, раскинув широко руки раскрытыми ладонями вверх.

Лиз ждала продолжения и дождалась лишь сочные рулады храпа. Она не поверила своим ушам.

"Уснул!!"

Быстро натянув нижнюю рубашку и юбку, она сунула ножки в растоптанные туфли и быстро спустилась вниз.

Входная дверь заложена брусом. Ставни закрыты. За столом Гюнтер считает деньги, раскладывая столбиками перед собой. Сухие, тонкие губы беззвучно шевелятся.

— Господин Гюнтер...

— Уснул?

— Да. Но...

— Пусть спит до утра.

— А кто он?

— Живописец герцога Умбрийского, из Италики. Епископ переманил к себе. Фрески будет малевать в соборе.

— О-о!

— Будь понежнее с ним, моя птичка, денег у лысого куры не клюют!

Перехватив на кухне у кухарки Магды пару бутербродов и кружку с молоком, Лиз вернулась в свою комнату.

Живописец епископа все также храпел смачно, лежа на спине. Пальцы правой руки еле-еле шевелились, буд-то чего искали...

Лиз прикорнула рядом, но под храп заснуть не смогла. Пошла к соседке-рыжей Монике.

— Храпит? Вот — козел!

— Позволь мне у тебя ночевать. Пожалуйста, миленькая!

— Вот еще! Сейчас мы этого...

— Гюнтер сказал что клиент живописец епископа.

— А хоть и сам епископ!

Лиз перекрестилась.

Моника деловито отправилась в комнату Лиз и сразу приступила к делу-зажала двумя пальцами ноздри клиента.

Важный живописец поперхнулся храпом, зачмокал губами и улегся на правый бок.

— Вот так! Усекла?

— Ага.

— Ложись, спи, Элиза-подлиза!

Закрыв за соседкой дверь, Лиз легла на постель спиной к клиенту, обиженно подумала: "Вовсе не подлиза!"

Сон медленно уходил. Растворялся как ложка меда в бокале чая...

Приснилось что-то хорошее, светлое...

Она пыталась ухватить воспоминание о сне, как мышку за хвостик. Но, сон как мышка, юркнул в норку и не оставил ничего...

Она открыла глаза и замерла.

На расстоянии двух шагов от постели сидел на табурете вчерашний клиент закинув ногу на ногу. На коленях господина квадратный кусок тонкой доски. Левая рука держит доску за край. Правая рука в бесконечном дерганном движении.

Клиент поднял голову. Уже утро пришло. Свет из окна обтекал его голову и Лиз не видела выражения лица.

— Проснулась? А теперь закрой глаза и не двигайся-дай мне закончить.

Лиз закрыла глаза послушно. "Что же он там делает?"

Текли минуты в тишине.

— Господин, мне вскоре потребуется встать...

— Пописать? Еще пару минут терпения, моя красавица.

— Вы рисуете меня?

— Ну ни твой же ночной горшок! Не шевелись!

Лиз тихонько вздохнула.

— Давно ты у Гюнтера?

— Почти два года...

— Дети есть?

— Что вы!

— Ах, да, заклинание бесплодия! На это Гюнтер денег не пожалел, надо полагать. Судя по выговору не местная?

— Наша деревня возле Грюнштадта...

— Ага, беженка! Ну вот, готово!

Лиз открыла глаза. Живописец повернул доску от себя.

На белом шероховатом листе бумаги темно-серые линии сложились в рисунок обнаженной девушки. Безмятежно спящая красавица, длинноногая, с выгнутым дугой бедром и тонкой талией...

— Это я?!

Живописец засмеялся.

— Ты хорошая модель. Я возьму тебя натурщицей. Хочешь?

— А вы не будете со мной....

— Нет, сегодня же воскресенье. Не будем грешить в святой день! — торопливо буркнул живописец.

Он ушел, оставив на табурете золотой дублон.

"Ему не нужна женщина? Он еще не стар... Может быть болен?"

Лиз содрогнулась. Тогда и хорошо что он ее не коснулся!

Воскресенье прошло как обычно. Приятное безделье. Проповедь отца Мартина. Добры глаза монаха в сетке морщин.

Дублон Лиз спрятала в горшок с геранью на подоконнике. Золото не боится влаги.

Прежде чем спрятать неожиданный дар, девушка изучила монету досконально. В деньгах она уже разбиралась, но золото держала в руках впервые в жизни. С одной стороны монеты гордый профиль императора Иммануила, с другой имперский орел, всклокоченный и злобный.

Лиз вечером сидела у окошка в одной нижней рубашке, поглаживая горшок, хранящий ее сокровище, когда в комнату вошел Гюнтер.

— Одевайся, птичка моя! Мэтр Тоффини прислал за тобой повозку. Поедешь как герцогиня!

Девушка обмерла. Холодок засел под грудью.

— Куда?

— Тоффини-живописец епископа, он выкупил тебя у хозяина. Теперь ты шлюха мэтра!

Будешь ублажать его одного, ну может еще подмастерий. Когда вышвырнет за порог-приходи, без куса хлеба не останешься!

Гюнтер криво ухмыльнулся.

Лиз не верила своим ушам. Ее выкупили из "веселого дома"!?

— Можно я возьму на память эту герань? — пролепетала она первое что пришло в голову.

— Хоть две!

Глава вторая

Новый хозяин Лиз занимал целый дом в Серебряном квартале Неймегена.

Двухэтажное здание выстроено квадратом с обширным внутренним двором. Здесь во дворе у дверей в помещения первого этажа толпились подмастерья, слуги. Рядом с пересохшим старым фонтаном в центре двора возвышалась куча корзин и сундуков. "Они что-то только въехали сюда?"

Лиз, появившаяся в сопровождении слуги с геранью в руках привлекла всеобщее внимание. Десятки взглядов метнулись навстречу. Слегка покраснев, Лиз не сбавляя шага прошла через расступившихся молодых мужчин и подростков к горе багажа и обнаружила там господина живописца.

Сидя на обшарпанном табурете, мэтр Тоффини быстрыми движениями свинцового карандаша наносил на бумагу профиль сидящего на крае чаши фонтана кудрявого юноши. Черные вьющиеся кудри натурщика вызвали у Лиз острое желание подойти и потрогать их. Серые короткие волосинки, обрамлявшие плешь мэтра такого желания не вызывали.

— Приехала? — спросил через плечо мэтр.

— Да, господин Тоффини. Доброго дня...

— Марко, проводи Элизу в ее комнату рядом с мастерской.

Из толпы молодых людей выдвинулся худощавый брюнет в берете, в потертом коричневом костюме, коротко поклонился.

— Я-Марко. Идете за мной, сеньора.

Они поднялись на второй этаж по каменной лестнице на галерею.

Двери комнат выходили в этот открытый ветрам и солнцу коридор со скрипучими полами.

— Вы родственница мэтра?

— Нет, я его шлюха...

Юноша споткнулся.

— Что вы сказали?!

— Ничего.

— Вот ваша комната. Элиза?

— Да?

— А ваши вещи?

Девушка прижала горшок к груди. Там под слоем земли лежали все ее сбережения-гость серебра и дублон-подарок мэтра Тоффини.

— У меня нет вещей-только то что на мне и вот этот цветок. Вы любите герань?

— От его запаха у меня нос чешется. — поморщился молодой человек.

Пыльная комната с узким оконцем и деревянными ларцами. Кровать с высокой спинкой

даже без матраса. Серая паутина на окне и по углам.

Поставив цветок на подоконник Лиз отправилась вниз. Познакомилась с кухаркой Ивонной, взяла у нее тряпки, веник, ведро. Засучила рукава.

Через два часа вспотевшая, но довольная девушка обзревала результаты. Пыль и многолетняя паутина исчезли. Мебель оказалась резной и очень красивой. В чистое оконце падали дробящиеся на части лучики света.

В дверь постучали.

— Да, да!

Вошел мэтр Тоффини.

Окинул комнату цепким взглядом.

— Ты не белоручка, я вижу! Но больше никакой уборки! Ты натурщица-это твое главное занятие. Идем.

— Куда, хозяин?

— Не называй меня хозяином. Зови — мэтр. Этого достаточно. Идем обедать, конечно!

Обедал мэтр в просторной комнате здесь же на втором этаже. Четверо юношей беседовали у окна, дожидаясь мэтра. По его знаку для Лиз принесли табурет. Сели вокруг круглого стола.

— Элиза натурщица. Она будет здесь жить. Не раскатывайте губы, ребятки! — грозно объявил мэтр и вооружившись ложкой указывая по очереди, познакомил:

— Марко ты уже знаешь. Вот этот курносый смехотунчик-Лоренцо. Верзила-наш Геракл-Вальтер по кличке "Скала". А этот кудрявый красавчик-Антонио. Они мои самые лучшие ученики, Элиза. Чур не зазнавайтесь, ребятки! Они будут мастерами, ты еще увидишь! А теперь за дело!

С большого блюда сняли крышку. Жаренное мясо разных сортов в обрамлении свежих овощей и зелени блестело соком и источало аромат от которого взволновался желудок.

Марко разлил в кружки из кувшина красное вино, не обойдя и Лиз. Мэтр заботливо положил своей рукой ей на оловянную тарелку сочный кусок свинины и ножку цыпленка.

Тоффини поднял кружку над столом.

— За новый заказ, ребятки, да хранит господь епископа рирского!

— Аминь! — дружно ответили подмастерья и сдвинули кружки.

После обеда не тратя время на послеобеденный отдых мэтр отвел Лиз в свою мастерскую-длинную светлую комнату наполненную странными запахами и не менее странными и непривычными предметами. Вдоль стен несколько странных предметов на деревянных ножках, прикрытые белеными холстами.

— Это пахнут краски, моя красавица.

Внимательный живописец заметил как девушка морщит носик.

Лиз усадили на резное кресло в расслабленной позе с подбородком на ладошке. После еды и вина она осоловела. Глаза закрывались сами собой.

— Отлично! Просто отлично! Томность во взгляде и нега! Отлично!

Пришли и сели напротив на скамьи Марко и кудрявый Антонио с листами желтоватой бумаги, прижатой к дощечкам. Мэтр вышел, а подмастерья взяли за свинцовые карандаши. Такого не было никогда в ее жизни, а уж за последний год тем более.

Молодые, и надо сказать, приятные, мужчины ежеминутно ласкали ее взглядами на расстоянии, а она знала что ей не нужно снимать одежду и отдавать им свое тело за деньги. Непривычные чувства и странные мысли овладели Лиз. "Это все на самом деле? Я не сплю?"

Неужели и впрямь сегодня не надо терпеть грубые ласки незнакомых и дурно пахнущих порой мужчин? Неужели это закончилось? За что ей такая милость?!

Глава третья

Лиз проснулась на рассвете. В первые мгновения не могла понять где она.

Чистые простыни пахнут свежестью. Тихо вокруг. В оконце уже светится заря нового дня.

"О,боже! Я и впрямь уже не в "веселом доме!"

Она уткнулась в подушку и поплакала. Неделю она живет в доме мэтра Тоффини и все не привыкнет к такому обороту в своей судьбе...

Потом умылась в тазике на комод. Причесалась. Надела платье со шнуровкой спереди. Приоткрыла дверь тихонечко. На террасе никого. Далеко внизу светятся угли в горне. Скоро подсыпят свежего угля и с рассветом начнется работа. Во дворе изготавливали по заказам кованые ограды и перила для балконов. Весь день перезвон молотков по наковальням. На первом этаже и во дворе только грубая работа с металлом, камнем и с глиной. Еще там растирают и готовят краски по рецептурам мэтра.

Внизу во дворе у фонтана тихо разговаривают двое. Только во мраке не разглядеть кто. Во дворе еще темно, а небо наверху голубеет на глазах.

Лиз на цыпочках прошла по галерее и приоткрытая дверь мастерской привлекла ее внимание. К тому же в щель виднелся свет.

В мастерской у мольберта спиной к двери стоял Тоффини. Мастер разглядывал картину над которой только что работал. Мольберт с кистями лежал рядом на табурете. Два подсвечника с догорающими свечами в мощных потеках застывшего воска.

Тоффини обернулся на скрип двери. Под глазами мешки, видимо еще и не ложился спать.

— Извините, мэтр...Я увидела свет...Доброго утра.

Лиз присела в поклоне.

Мэтр улыбнулся и поманил пальцем.

— Подойди. Посмотри, что ты видишь?

Картина еще не была окончена, но ясно что это пейзаж. Дорога ровная как меч опускается с холма вниз и ведет на следующий холм среди желтеющих пшеничных полей. Вдоль дороги редкие пирамидальные тополя.

Там на холме город. Сияющий город. Ослепительный в своей чистоте!

Лиз затаила дыханье. Ей показалось на миг что картина не картина, а окно в другой мир, правильный, счастливый и светлый. В том городе на холме живут красивые добрые люди. Там нет нищих и калек, там женщины не торгуют собой, там мужчины не бьют жен и детей, там счастьем окутан каждый дом...

— Город счастья?

— Ты увидела его?!

Лиз отшатнулась и потупилась.

— Извините, мэтр, я что-то не то сказала?

Пахнущие краской ладони легли на ее щеки и заставили поднять глаза.

Сияющие радостные глаза мэтра рядом.

— Я не ошибся, девочка! Ты его увидела!

Лиз скосила глаза и ахнула. Картина еще не окончена на холме только пустое пятно грунтованного холста.

— Я видела город... Я видела...

— Я тоже его вижу, девочка моя, но мои руки пока не в силах его изобразить...

В голосе художника горечь и страх. Это так не похоже на жизнерадостного уроженца Италики...

— Вы сможете, мэтр!

Лиз взяла руку художника и поцеловала выше костяшек, ощутив на губах жесткие волосы.

После завтрака мэтр привел Лиз в мастерскую и попросил раздеться.

— Совсем?

— Да, и не бойся ничего.

— Вы хотите меня?

Мэтр тихо засмеялся.

— Я хочу чтобы ты позировала моим ребяткам.

Лиз быстро разделась, аккуратно сложив одежду на табурет и обхватила себя за плечи, перекрестив руки на груди. Мурашки пробежали по бокам и по спине.

Мэтр насторожился.

— Ты мерзнешь? Здесь не холодно.

— Ничего, это просто так...

— Ляг на этот постамент, там под тканью я постелил тюфячок чтобы не было жестко. На живот. Руки под голову, пожалуйста.

Мэтр отошел на несколько шагов, прищурился и кивнул одобрительно.

Теперь пришли все четверо: Марко, Лоренцо, Антонио и Вальтер. Расположились поудобнее. Мэтр прогуливался за спинами подмастерий, тер затылок, посматривая поверх голов на Лиз.

Два часа юноши рисовали ее без перерыва. Смущения она не испытывала, да и какое смущение может быть после двух лет в "веселом доме"? Взгляды юношей равнодушно скользили по ее коже словно не живая женщина, а статуя перед ними! Вот что удивляло и настораживало Лиз.

В доме мэтра Тоффини проживали и работали только мужчины, юноши, в крайнем случае подростки. Кроме Ивонны, молчаливой пожилой кухарки из южной Конфландии и самой Лиз других особ женского пола здесь не имелось. И такое странное равнодушие!

Тоффини привез из Италики не только подмастерий, но и слуг. Большинство были уроженцами Италики, но Лиз родилась и выросла в южной Тевтонии и понимала их язык. В ее родных местах, как это бывает на стыке королевств жили люди разных народов и в разговоре люди легко переходили с одного языка на другой или даже перемешивая их в неудобоваримый для постороннего словесный "салат".

В начале третьего часа, перевернув песочные часы на столе, мэтр быстро подошел к постаменту.

— Устала?

— Немного...

— Потерпи еще чуть чуть, девочка моя.

Крупные карие глаза мастера смотрят заботливо.

— Не беспокойтесь, мэтр, я потерплю.

К обеду с позированием было покончено. Мэтр изучал рисунки учеников, а Лиз надев нижнюю полотняную рубашку сидела на краю подиума болтая босыми ногами.

Мэтр потер небритый подбородок и улыбнулся.

— Пусть оценит сама Элиза!

Юноши развернули свои наброски.

Лиз спустилась на пол и наклонив голову прошла слева направо разглядывая рисунки.

Серьезный Марко изобразил ее задумчивой и встревоженной.

Вальтер ухмылялся, придерживая свой лист. Он добавил пышности женским формам и девушка закусила нижнюю губу чтобы не рассмеяться — такой задастой и грудастой ее изобразил свинцовый карандаш.

На рисунке красавчика Антонио девушка получилась мускулистой как юноша, под кожей мышцы рельефно выступают... У Лоренцо девушка на рисунке улыбалась весьма игриво и даже можно сказать-порочно!

— Что скажешь Элиза?

— Могу ли я узнать, мэтр, для кого или для чего этот рисунок?

— Вот! Ребятки! Вот! — мэтр поднял указательный палец выше головы-Элиза в отличии от вас задала правильный вопрос!

Как оказалось Герцог Дармштадский заказал картину, изображающую нимфу озера в ее естественной красоте отдыхающей на берегу. Картину будет писать тот из подмастерий чья нимфа окажется самой интересной для заказчика.

— Мне нравится то что нарисовал Марко.

Марко победно улыбнулся, свысока глядя на товарищей. Они обиженно загудели.

— Спорю на талер, мэтр, что заказчик выберет мой вариант! — здоровяк Вальтер ударил себя в грудь кулаком.

Азартные итальянцы тут же начали биться об заклад. Лиз вернулась к подиуму и неторопливо оделась.

Она закрепляла подвязку на чулке, когда ощутила почти материальный взгляд.

Жестикулируя и повышая голос художники спорили, позабыв про натурщицу. Один только Марко смотрел на нее с интересом. Лиз одернула юбку и светло улыбнулась ему.

Глава четвертая

Лиз помогала Ивонне чистить морковь и лук для супа. От ядреного сочного лука слезы катились по щекам.

Скучно сидеть без дела и с кем еще поболтать как с пожилой кухаркой? Других женщин в доме-то нет! Из-за этого Лиз терпела луковый дух, да и всякие другие ароматы кухни.

Только Ивонна была крепким орешком. Малоразговорчивая, костлявая тетка оказалась неважным собеседником. Без дела тетка не сидела и хлопотала на кухне и, находясь при ней, было неудобно просто сидеть на табурете. Вот Лиз и взялась помогать.

— Готово!

— Потри пальчики долькой лимона, а иначе останутся желтыми.

"Наконец-то ее прорвало!"

— Ивонна, а ты приехала тоже из Италики?

— Тоже.

— Ты давно служишь у мэтра?

— Давно.

Кухарка ворочала поварешкой с длинной ручкой в котле-вылавливала куски сварившегося мяса.

"Хоть пытай ее!"

— А почему здесь в доме мэтра нет других женщин?

— Потому.

— Не говоришь-потому что не знаешь?

Ивонна зыркнула черным глазом из-под чепца.

— Сама спроси у мэтра. Болтушка.

— Я не болтушка! — запротестовала Лиз, пытаясь состроить невинно-глуповатую гримасу.

— Элиза! Элиза!

На пороге худенький длинноволосый мальчик. Шмыгнул носом и уставился любопытствующими глазками — маслинами.

— Иди скорее, тебя зовет мэтр!

Лиз пробежала через двор резво как козочка.

Вокруг статуи из мрамора на подмостках суетились ученики мэтра, наводили окончательный лоск. Сегодня заказчик должен забрать статую святого Филиппа, одну из четырех заказанных для храма. Лиз на бегу махнула ручкой Марко. В просторной комнате на первом этаже мэтр Тоффини беседовал с монахом в серой сутане.

— Мэтр!

Лиз присела в поклоне, опустив голову.

Когда подняла взгляд удивленно ойкнула. Монахом оказался отец Мартин.

Получив благословение и поцеловав руку монаха, девушка вопросительно посмотрела на мэтра.

— Отец Мартин хотел с тобой побеседовать. Оставляю вас пока. Срочные дела, святой отец! — мэтр развел руками.

— Благослови господь ваш труд, мастер.

Когда мэтр вышел, монах указал рукой на скамью.

— Присядем, дочь моя.

Монах улыбнулся, пустив лучики морщин от глаз к вискам.

— За эти десять дней что мы не виделись, ты изменилась, Элиза. В твоих глазах появился свет и морщинка на лбу исчезла.

— Вы очень внимательны, отец Мартин.

Монах на мгновение коснулся ее руки.

— Я рад что твоя жизнь изменилась, Элиза. Мэтр — хороший человек, верующий и трудолюбивый. Тебя здесь не обидят.

— Я знаю...

— С согласия мэтра я буду навещать тебя здесь. Причастие и исповедь очень важны для спасения твоей грешной души. В храм тебя не допустят, пока ты не выйдешь замуж и не очистишься от греха распутства, пусть и невольного...

— Я понимаю, отец Мартин... Но только кто возьмет меня в жены после всего?

— Надейся на господа, дочь моя. Ибо блаженны не праведники, а грешники...

Через открытое окно донеслись крики испуга, грохот и эмоциональная быстрая скороговорка ругани по-италийски.

Монах и Лиз прервав разговор, выбежали во двор.

Статуя святого Филиппа опасно накренилась, мостки попадали, пыль столбом. Суета, бегодня, крики. Ничего не понять!

Статуя едва не погибла, но была спасена героическими усилиями самого мэтра и учеников. Марко прыгая с рушащихся мостков подвернул правую ногу и кривя щеку сидел бледный под аркой галереи прямо на земле.

Его отнесли в комнату и уложили в постель. Нога припухла в подъеме. Мэтр осторожное прощупал.

— Пару дней придется полежать в постельке, мой мальчик!

Набившиеся в комнату ученики и подмастерья шумно выразили свою радость по поводу того что так все легко обошлось.

— Лиз побудь с Марко. — Мэтр подбоченился и обвел враз притихших учеников грозным взглядом. — А теперь признавайтесь-кто из вас крепил статую?!

Никто не желает признаться?

Виновник сразу обнаружился, один из подмастерий Вальтера, упитанный хитрый живчик Алессандро.

Вальтеру мэтр вручил пучок розог и приказал провести воспитательный урок. Желающих посмотреть на урок оказалось не мало. Марко и Лиз остались вдвоем.

— Очень больно?

— Терпимо.

— Я очень рада что все обошлось. Статуя могла упасть на тебя! Бр-р! Мурашки по коже!

Марко улыбнулся ободряюще.

— Принести воды?

— С капелькой вина, пожалуй.

На следующий день мэтр во главе всей компании учеников и подмастерий, а также тетка Ивонна в новой или тщательно вычищенной одежде отправился к обедне.

Кроме привратника при дверях в большом доме никого не осталось, кроме Марко с распухшей ногой и Лиз, взявшей на себя обязанности сиделки.

Покончив с супом, Марко не дал Лиз уйти в посудой на кухню, а удержал рядом, мягко, но настойчиво сжав запястье горячими пальцами.

— Не уходи, посиди рядом.

— Хорошо.

Лиз поставила пустые миски на стол и присела на мягкий тюфяк.

— Ты два дня возишься со мной, а поговорить даже не пытаешься.

— О чем?

— О тебе, о нас... — Марко пожал плечами-О чем пожелаешь!

— Расскажи о себе.

— Тебе интересно?

Влажные карие глаза настойчиво всматривались в глаза Лиз.

"Ох, он такой милый!"

Марко улыбнулся и откинулся на подушках. В постели он пребывал полулежа, по странной привычке италийцев.

— Родился я в Вероне, в старом квартале. Отец мой занимался торговлей. Старший брат Федерико должен был ему наследовать. По законам Италики я мог претендовать лишь на малую часть наследства. Потому большую часть времени я проводил в мастерской мэтра

Тоффини, старого друга моего отца и постигал искусство живописи. Но случилось несчастье. Сопровождая отца в горах брат три года назад простыл и умер от стремительно развивавшейся лихорадки. Тогда отец оборотил свой взор на меня. Я был изрядным шалопаем и дабы испытать мой ленивый дух отец задумал послать меня с поручением к торговым партерам в Падую.

Холодным осенним утром он велел оседлать коня и передал мне увесистый пакет. Путешествия по опасным дорогам и денежные расчеты меня нисколько не привлекали, но отцу я не мог перечить.

При хорошей погоде подобное путешествие заняло бы не более четырех дней в оба конца. Три года назад в провинции царил мир, так как тиран Карроза, правивший Падуей, был схвачен по приказу святого понтифика и посажен на цепь в замке Ангелов.

Только дождивая погода вздула реки и я был вынужден сделать крюк. Оставив коня на постоялом дворе в маленьком городке Сальваццано что лигах в пяти выше по течению реки Баккильоне, я поспешил нанять лодку чтобы хоть в сумерках, но добраться до цели своего путешествия.

На мое несчастье лодочники оказались весьма прозорливыми и решив покончить с ремеслом и перейти в разбойничье сословие, начать порешили с меня. Посреди реки я был раздет до белья и выброшен в ледяные кипящие воды, практически на смерть. Ударить ножом они посчитали излишнем. Бурной реке они поручили миссию стать моей убийцей.

Конечно, у меня имелся кинжал, но лапы у лодочников крепкие как кандалы, мне и шевельнуться не дали!

Господь хранил меня и бурные воды вынесли полумертвого от холода и усталости к берегу в лиге от Падуи.

С трудом выбравшись на берег я брел в темноте из последних сил не разбирая дороги. Я был готов смириться и упасть на лугу без сил, когда увидел огонек невдалеке.

О, как я стремился к нему!

Большой укрепленный дом был темен, только за решетками окна на втором этаже едва теплился огонек. Не в силах кричать или стучать в ворота, которых я и не нашел, найдя нишу в стене я скорчился в ней в тщетной попытке согреться.

— О-о-о...

Лиз во все глаза смотрела на рассказчика. В груди замерло. Ужасное положение, в котором оказался Марко три года назад вызвало нестерпимое желание обнять его и прижать к груди, чтобы согреть и заслонить собой от холода и ветра той давней ночи.

— На мое счастье дом принадлежал одной весьма молодой и ветреной особе. А вернее сказать ее мужу. Но тот так часто разъезжал по торговым делам, что она завела себе возлюбленного — офицера падуанского гарнизона. В тот вечер она допоздна его ждала, приготовив обильный ужин с изысканным вином и даже ванну с ароматными веществами.

Офицер прислал слугу с извинениями, так как его задержали в городе дела.

Дама не спала и, проходя по коридору мимо боковой двери услышала лязг моих зубов даже из-за толстых дубовых досок. Она тут же послала слуг, которые нашли меня и почти бесчувственным внесли в дом.

Увидев что я не похож на бродягу и услышав мой сбивчивый рассказ, дама прониклась милосердием и я был немедленно погружен в еще горячую ванну. Бокал гретого вина со специями избавил меня от холода и от угрозы заполучить лихорадку.

Пока я отмокал в ванне, приходя в себя, дама выгнала слуг вон и сама мне

прислуживала, то подливая вина, то подавая закуски.

Марко улыбнулся виновато.

— К полуночи мы уже лежали в мягкой постели, даря друг другу любовь.

— И это все?

— О, нет! Утром приехал офицер и услышав мой рассказ, послал солдат к переправе. Лодочников поймали с моими деньгами и одеждой тут же. А на следующее утро падуанский судья отправил их поплясать на веревке и дать пинка ветру. После этого приключения я отказался наотрез продолжать карьеру отца. Отец утешился, взяв в компаньоны зятя Марио.

— Ты больше не встречался с той дамой?

— Я видел ее однажды, в Вероне, вместе с мужем и мог только послать ей воздушный поцелуй когда старый ревнивец отвернулся.

— Ты был на грани жизни и смерти!

— Да, этот так, но дух мой не был сломлен, а господь пришел на помощь.

Он был так близко и его губы так манили...

Лиз наклонилась и настойчивые руки юноши притянули ее еще ближе. Вкус его плоти был восхитителен, а ласки нежны и сладки....

Глава пятая

На следующий день Марко, хромя, спустился во двор и был встречен с восторгом всеми.

— Малыш, я вижу, что Элиза отличная сиделка! Ты сразу пошел на поправку! — воскликнул мэтр.

— Она замечательная сиделка, мэтр! Хвала господу нашему!

Марко поднял голову и махнул рукой Элизе, стоявшей у перил галереи второго этажа.

— Отлично! Мой мальчик у тебя был набросок охоты на львов?

— Да, мэтр.

— Местные нобили-братья Раймштейн горят желанием заказать героическую картину. Сделай их портретные наброски и вперед! Обещано пятьсот гульденов.

— Спасибо, мэтр Тоффини.

Мэтр похлопал Марко по плечу.

— Федерико тебя отвезет. Негоже натруждать больную ногу.

Когда Марко уехал на повозке, которую обычно использовали для доставки статуй к собору, Элиза дождалась мэтра у мастерской.

— Мэтр, вы сказали про братьев Раймштейн. Они вернулись в город?

— Да, епископ представил меня своим племянникам вчера в соборе. Крепкие парни, мускулистые как молодые боги. Вернулись из Италики на днях.

Мэтр зыркнул черными глазами из-под кустистых бровей.

— Что тебе до них?

— Ничего, спасибо. Я нужна сегодня для позирования?

— Сегодня нет.

— Тогда я помогу Ивонне.

— Сделай милость.

Лиз помогала на кухне, чистила овощи и резала мясо для тушения.

Хорошее настроение улетучилось без следа.

Ублюдочные бароны Раймштейн вернулись в Неймеген!

У барона Раймштейн, родного брата рирского епископа, тридцать лет назад родились мальчики — близнецы. По обычаям империи все имущество должен наследовать старший сын, а младший вынужден избирать путь служения богу или ремесло наемного воина.

Близнецы с самого детства были неразлучны и избалованы сверх меры. Баловать ребенка-портить его-эту мудрость никто не помнит, хотя все знают. Очаровательные близнецы превратились в жестоких себялюбцев, занятых только собой. Их прихоти были важнее всего. Важнее обычаев, традиций и законов! Старый барон погиб в сражении и земли с замком унаследовали оба наследника. Их так и звали-бароны Раймштайн. В долине Рира на тевтонской стороне о них девочкам и девушкам рассказывали страшные истории на ночь, для острастки...Распутные и наглые братья не давали проходу девицам, не взирая на происхождение, и епископу не однажды приходилось покрывать их выходки щедрой мздой. Лиз была одной из их жертв.

Только компенсацию за изнасилование получил мастер Шульц, авансом, а ее после забавы продали Гюнтеру, в "веселый дом".

Вот только мастеру Шульцу деньги впрок не пошли. Через полгода Лиз случайно узнала, что мастера и его жену зарезали ночью в постели. Убийца не был найден.

Лиз на всю жизнь запомнила свое ужасное пробуждение в замке Раймштейн на грязных простынях, в крови и семени, в синяках...Братья вернулись следующей ночью, теперь уже Лиз не пила и не ела ничего, так что второй раз ее насильовали не спящей...

Им нравилось ломать сопротивление, нравилось доставлять боль. Крики девушки их забавляли...

Уже оказавшись в "веселом доме" Лиз услышала, что братья Раймштейн все же нарвались. Так бывает всегда-тот кто идет по жизни нагло и напористо, в конце концов, встречает достойного противника, еще более наглого и напористого.

Братья позабавились вечерней порой с монахиней из монастыря Святой Бригитты, а потом удавили и сбросили тело в Рир.

Тело далеко не уплыло, прибилося к камышам в трех милях ниже по течению. Монахиня оказалась урожденной Торн, из семьи вассалов герцога Дармштадского. Семья подала жалобу своему сюзерену. Нашлись свидетели. Епископ выплатил крупную сумму семейству Торн, а племянников быстренько удалил в Италику, замаливать грехи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А вот теперь они вернулись, спустя два года.

Лиз не сомневалась, что эти выродки опять возьмутся за старое. Только теперь будут осторожнее...

Марко будет рисовать эти мерзкие рожи!

Лиз чистила морковь и волновалась за своего возлюбленного. В мужеложестве бароны Раймштейн не были замечены, но нрав их был крут. Могли затравить простолоудина собаками просто так, для забавы!

Марко вернулся к вечеру. Хромал он еще сильнее и Лиз поставила ему компресс.

Юноша устало откинулся на подушки.

— Ты будешь рисовать баронов Раймштейн?

— Двести пятьдесят гульденов мне не помешают!

— Мэтр говорил про пятьсот!

— Верно, но половина идет мэтру. Я же только подмастерье, а картину мэтр отметит

своим именем.

— Ты будешь все рисовать, а деньги пополам. Это не кажется мне справедливым.

Марко поманил Лиз к себе. Прошептал на ухо.

— Мэтр всего несколькими мазками превратит мою поделку в истинное искусство. У него есть дар, настоящий дар, чудесный.

Лиз вспомнила про незаконченную картину с сияющим городом счастья на холме и прикусила язык.

Кто она такая чтобы поносить великого мастера?!

— Когда ты начнешь?

— Сегодня.

— Тебе надо отдохнуть, побережь ногу.

— Я буду рисовать сидя.

— Можно я приду в мастерскую?

— Я буду только рад.

Марко взял руку Лиз в свою и поцеловал в ладонь.

Этот поцелуй ее взволновал. Вот только Марко жил в комнате вместе с Лоренцо и уединиться им здесь не получится.

— Они очень плохие люди!

— Бароны Раймштейн?

— Да, они насильники и убийцы!

— С первого взгляда такого не скажешь. Ты про них что-то знаешь?

Лиз села на постель и рассказала все о себе и баронах Раймштейн без утайки.

Темные глаза Марко стали еще темнее. Его рука погладила плечо девушки.

— Бедная моя...

Лиз прикусила губу, чтобы не расплакаться.

Когда на улице стемнело, и дом начал затихать, Лиз прихватив подсвечник со свечой прошла на цыпочках в мастерскую.

Марко сидел у мольберта на высоком табурете, свинцовым карандашом набрасывал фигуры. Огоньки на толстых свечах дергались от его быстрых движений. По стенам и потолку бежали ломаные тени.

— Ты пришла.

Марко улыбнулся, но тут же отвернулся к холсту. Работа захватила его.

Лиз поцеловала его в макушку и обняла за шею сзади.

— Что здесь будет?

— На переднем плане два всадника на горячих конях с копьями поражают беснующихся львов.

— Это они, Раймштейны?

— Да.

— Вот здесь в углу львица терзает упавшего ловчего.

— Какой ужас!

— Что ты-это всего лишь выдумка!

— У тебя все получится.

— Я надеюсь.

— Ты видел настоящих львов?

— В зверинце понтифика. Правда они там были вялые, сытые, как накормленные до

отвала кошки.

Лев как сытая кошка! Такое трудно представить!

Лиз ушла из мастерской тихо, чтобы не мешать возлюбленному и с трудом уснула одинокая в холодной постели.

На следующий день она позировала Лоренцо для нимфы. Его вариант пришелся герцогу Дармштадскому по вкусу.

Довольный выигранным пари, Лоренцо с улыбкой взялся за работу.

Лиз пролежав до полдня с голой попой устала от такой работы до тошноты.

Хорошо что Лоренцо потребовался мэтру во дворе и после обеда Лиз тихонько просидела в мастерской с вязаньем на коленях, иногда посматривая на работу Марко.

Наброски мэтр одобрил и Марко взялся за краски.

— Я тебе не мешаю?

— О,боже, милая, когда ты рядом- у меня прилив вдохновения!

Глава шестая

Дни шли за днями. Лоренцо закончил картину с нимфой и ее отправили заказчику.

Получив как заведено половину гонорара-пятьсот гульденов, Лоренцо собрал всех подмастерий и конечно мэтра в погребке на соседней улице.

Мэтр Тоффини отдал Лиз пятьдесят гульденов.

— Ты их честно заработала, малышка, купи себе что-то новенькое из нарядов.

— Что вы, мэтр! Вы меня выкупили у Гюнтера, я ваша должница!

Тоффини усмехнулся и потрепал девушку по щеке.

— Про то забудь. Ты мне ничего не должна.

— Извините, мэтр, я все отработаю, каждый потраченный гульден!

— Ты мне перечишь?!

Мэтр изобразил гнев. Лиз покраснела.

Тоффини погладил ее по голове ласково, как отец.

— Все наладиться, девочка моя.

На следующий день она попросила Марко составить ей компанию в городе.

— Мэтр распорядился, чтобы я купила себе обнову.

— Отличная идея! Ты здесь скучаешь, я же вижу!

— Ни капельки! Ты рядом, ты мое солнышко...

Они держались за руки и смотрели друг другу в глаза.

Проходящий мимо Вальтер засмеялся и шлепнул Марко по плечу.

— Моя комната свободна, поторопитесь, дети мои!

Лиз и Марко отпрянули друг от друга.

Коричневое платье, волосы под чепцом. Лиз мало, чем отличалась от горожанок. Разве только тем, что рядом с нею красивый кудрявый парень, на которого так и зыркали девицы и женщины помоложе.

В квартале портных Лиз заказала себе плащ, приценилась к меховой безрукавке, ведь осень уже пришла, а там и до зимы недалеко. Зимней одежды у нее не было вовсе, да и зачем девке из "веселого дома" лишняя одежда? Одежду приходилось снимать с утра и до вечера.

Марко пошутукался с хозяином лавки и вернулся со свертком.

— Что там?

— После узнаешь, это сюрприз. Любопытная моя птичка!

— Для меня?

Марко светло улыбнулся.

— Не скажу, иначе сюрприза не будет!

Лиз положила руку на локоть Марко, и они пошли в обратный путь. Она шла замирая от счастья. У нее есть возлюбленный, она больше не шлюха! Завернули на рынок. Купили жареных лесных орешков и кулек красных тугих яблок.

"О боже, благодарю тебя! У меня есть возлюбленный, такой красивый и талантливый! Благодарю тебя, господи!"

Лиз поглядывала на Марко снизу вверх и не могла наглядеться.

Улочка, ведущая в серебряный квартал оказалась перекрыта городскими стражниками. Толпились любопытные.

— Что там такое?

Лиз привстала на цыпочки, чтобы увидеть причину затора.

Пожилой горожанин обернулся.

— Мэтр Годо?

Лиз отшатнулась.

Мужчина нахмурился.

— Я тебя знаю?

"О боже, он меня не узнал!"

Лиз потупилась.

— Вы покупаете хлеб у моего соседа... — соврала она.

— У булочника Фридриха?

Марко удивленно прислушался к разговору, но промолчал.

— А! Там ждут епископа. Его святейшество едет в собор.

Мэтр Гвидо отвернулся, утратив интерес к скромной девушке с коричневым платьем. Мудрено было узнать в ней насурмленную голую девку из заведения Гюнтера. В доме мэтра Тоффини Лиз не красила глаза и не румянила щеки, как это обычно надо было делать в заведении Гюнтера. Тем не менее ей было неприятно стоять рядом с человеком покупавшим ее тело.

Она попятилась, потянув Марко за руку.

— Идем.

— Почему? Давай посмотрим!

Уйти уже не удалось. Сзади набежала толпа горожан. Подперли так, что деваться некуда! Слух о прибытии епископа пробежал по улочкам. Все опустились разом на колени, когда появился палантин рирского епископа.

На плечах его неслись восемь крепких слуг в одинаковых алых куртках с золотыми галунами.

Епископ Ханс-Ульрих благословлял толпу слабыми движениями руки, почти невидимый за парчовыми шторами.

За палантином ехали верхом подбоченясь бароны Раймштейн и прочая свита.

Молодые бароны улыбались, ища взглядами в толпе смазливых девиц. Лиз закрыла глаза и прошептала молитву.

"Господи, покарай их, пусть они ощутят всю тяжесть греха и все муки! Аминь!"

Мэтр забрал с собой на работы в собор почти всех и Марко с Элизой вернулись в

непривычно пустой и тихий дом.

— Сегодня снимают леса под малым куполом. Фрески уже высохли. Потому и сам епископ прибыл.

Марко обнял Лиз за талию.

— Так, значит, нам не помешают? — шепнула она.

Марко поцеловал девушку в губы нежно, но настойчиво и одним быстрым движением подхватил на руки.

Он нес ее по лестнице, а она смотрела в его блестящие глаза и таяла от нежности.

"Люблю его! Мой милый!"

Утолив первый любовный голод, они не долго лежали обнявшись.

Марко встал с постели, нагой и прекрасный как языческий бог. Развернул сверток от портного и закрыл обнаженные бедра возлюбленной изумрудным бархатным платьем.

— О, боже! Это мне?!

— Тебе, Любовь моя!

Она жадно целовала Марко и слезы покатались по щекам.

— Ты плачешь?

— У меня никогда не было в жизни такого красивого платья....

— Теперь есть.

— Люблю тебя...

— И я тебя, моя, ласточка...

Время летело стремительно. Молодые люди пришли в себя, только услышав веселые голоса и смех во дворе.

Мэтр Тоффини вернулся со всей бригадой. Епископ рирский остался доволен работой и выплатил мэтру аванс в две тысячи гульденов, подтвердив заказ на обновление фресок в главном куполе собора.

— Сегодня замечательный день! Тащите вина парни, мяса и хлеба! Будем праздновать! — гремел мэтр во дворе.

"Сегодня самый лучший день в моей жизни!" — прошептала Лиз, быстренько влезая в привычную коричневую юбку. Изумрудное платье переливалось на смятой постели, как горный луг под солнцем. "Если он женится на мне-я сойду с ума от счастья!"

Глава седьмая

Поутру на улице у дома мэтра Тоффини закружилась суета.

Явился незваный гость- герцог Дармштадский. Самый знатный, родовитый и богатый аристократ в долине Рира.

Лиз выскочила на галерею, спешно второпях одевшись.

Через ворота, слишком низкие и узкие не могли въехать конные или карета герцога.

Герцог, одетый во все черное, вошел во двор пешком, с любопытством разглядывая стоящие во дворе заготовки для статуй. Сверху герцог показался человеком небольшого роста. Маленький берет с пером едва держался на его пышной шевелюре.

Рапира на поясе оттопыривала короткий черный плащ.

За герцогом во двор вошли люди его свиты-рейтары и пажи. В отличии от своего господина они щеголяли в бархате ярких цветов.

Высокородного гостя и его свиту встретили поклонами. Мэтр выкатился с низким

поклоном вперед.

— Доброго утра, ваше сиятельство!

— Доброго дня, мэтр! Весь Неймеген гудит! Все только и твердят о ваших новых фресках в соборе.

— О, ваше сиятельство! Молва преувеличивает мои таланты!

— Не скромничайте, мэтр, ваш талант от бога!

У меня есть к вам разговор.

— Моя мастерская к услугам вашего сиятельства.

— Разговор не для чужих ушей, мэтр.

— Безусловно, безусловно!

Лиз спряталась в своей комнате с глаз долой, когда увидела что герцог и мэтр направляются прямо к лестнице на второй этаж.

Она села на постель. Неожиданный визит высокородного сеньора был явно не к добру!

Мастерская мэтра находилась за стеной. Приложив ухо к стене Лиз, конечно, ничего не услышала.

"Может быть, герцог желает заказать мэтру еще одну картину? Со мной?" Лиз просидела несколько минут как на иголках. Нервная щекотка пробежала по щеке. Внутренний голос настойчиво советовал уходить из этой комнаты и из дома мэтра как можно скорее. Лиз сопротивлялась своему взбудораженному воображению как могла.

"Мэтр меня защитит! Я здесь в безопасности!"

Твердила она снова и снова про себя, сцепив пальцы в замок.

Когда дверь в комнату отворилась, девушка мгновенно оказалась на ногах.

Первым вошел герцог Дармштадский, а следом мэтр Тоффини.

Лиз присела в поклоне и потупилась.

— Эта скромная горожанка-ваша натурщица? Невероятно!

— Да, ваше сиятельство, Элиза позировала для той самой картины.

Лиз замерла.

Приблизились ноги в мягких сапожках, подхваченных под коленями изящными ремешками с серебряными пряжками.

"О, боже!"

Рука, затянута в черную кожу приподняла ее подбородок.

В лицо Лиз заглянул герцог.

Герцогу было чуть больше сорока лет. Благодаря фехтованию и охоте, он имел стройную подтянутую фигуру, почти как у юноши. Черные усы перетекали плавно в аккуратную бородку. Крупный, чувственный нос нависал над усами, а глаза голубые как небо смотрели пристально и чуть холодно.

— Прелестная девочка. Я ее забираю!

Герцог повернулся к мэтру.

Лиз пошатнулась. В горле пересохло.

— Мэтр Тоффини не трудитесь мне рассказывать басни. Элиза не ваша родственница и не ваша возлюбленная. Я навел справки. Вы купили ее у старого Гюнтера за тысячу гульденов. Она красавица и она шлюха.

Я дам вам за нее две тысячи гульденов.

Мэтр поклонился.

— Я счастлив, оказать вам эту услугу, ваше сиятельство.

"Что?!"

— Отлично, мэтр, вы мне нравитесь! — засмеялся герцог. — Наденьте на нее плащ с капюшоном и проводите до кареты.

Герцог вышел, а Лиз стояла на дрожащих ногах и глотала слезы.

Мэтр положил ей руку на плечо.

— Не бойся, девочка. Герцог щедрый и не злобный господин. Он вознаградит тебя, и ты сможешь быть самостоятельной и не бедной горожанкой. Понравишься ему и получишь в подарок собственный дом.

— Мэтр...вы меня продали...

— Вовсе нет! Эти деньги принадлежат тебе. Когда ты надоешь герцогу, сможешь вернуться сюда, и я отдам тебе все две тысячи гульденов. Клянусь, словом Тоффини!

"У него одни деньги на уме.... А Марко! Что сделает Марко?!"

— Марко...

— Марко я отослал на рынок. Когда вернется я все ему расскажу. Думаю, мы скоро встретимся. Держи выше голову, Элиза! Твоя фортуна повернулась к тебе лицом!

"Теперь я стану шлюхой герцога...Марко меня никогда не простит!"

В прах развеялись глупые мечты о собственном муже, о доме, о детях, кудрявый и черноглазых как Марко...

Не чуя под собой ног, Лиз спустилась по лестнице, ведомая под руку мэтром. Длинный плащ волочился, но земле. Из под капюшона девушка видела только свою юбку и камни двора.

Ее посадили в карету. К удивлению Лиз кроме нее в экипаже никого не оказалось. Чуть отодвинув штору на окне, она увидела обшарпанный фасад дома Тоффини и самого мэтра, получающего из рук герцога увесистый мешочек.

Дорога заняла не меньше трех часов. Сначала по городу, потом через рощи и поля, а потом и по лесу.

Лиз так и ехала одна в экипаже, как госпожа.

"Почему в лес, почему не в Дармштадт?!"

Все разъяснилось вскоре.

Лиз привезли в охотничий замок герцога, в заповедный лес.

За высокой стеной серого камня оказалось двухэтажное строение, прислонившееся к старой, покрытой мхом башне.

Конные слуги, сопровождавшие экипаж передали девушку меланхоличной тетке средних лет. Служанка оказалась весьма дородной особой и шла через двор, переваливаясь как жирная утка.

Она назвалась Гертрудой и первым делом отвела Лиз на кухню и покормила обедом. Потом помогла помыться в прачечной, в деревянной лохани. Старую одежду Лиз не вернули, а нарядили в длинную, почти до щиколоток белую рубаху тонкого полотна.

Гертруда отвела ее в комнату на третий ярус башни. Узкие как бойницы оконца давали мало света, но служанка оставила подсвечник с толстенной свечой.

Над кроватью, застеленной бархатным зеленым покрывалом висела картина. Та самая, что писал Лоренцо.

Нимфа лежала на траве у озера, на животе, положив голову с распущенными волосами на руки. Плавный изгиб спины переходил в нежные тугие ягодицы.

Лиз с ненавистью посмотрела на картину.

"Все из-за этой мазни! Проклятый Лоренцо! Проклятый Тоффини!"

Она села у окна на жесткий стул и горько заплакала.

Глава восьмая

Успокоившись, Лиз прошла по большой круглой комнате. Заглянула в шкафы со старой одеждой, даже под кровать. Кроме ночного горшка под кроватью ничего не нашлось.

Дверь на лестницу оказалась заперта снаружи.

Лиз остановилась напротив картины.

Лоренцо рисовал ее, но это была вовсе не она! Девушка на картине притягивала взгляд и в глазах ее чудилось что-то зазывное, манящее. Нарисованная красавица манила к себе, обещая то, что никогда невозможно ощутить в обычной жизни. Мэтр тоже здесь потрудился?

"У Тоффини есть дар, и он им торгует. Как еще никто не догадался? Его сожгут, как колдуна на площади, если все откроется!"

В конце концов, Лиз легла на бархатное покрывало и задремала.

Разбудили ее прикосновения. Чьи-то руки задирали ее рубашку выше.

Она вскрикнула и подскочила на постели.

Герцог стоял рядом и улыбался. Свеча на подоконнике не разгоняла всего сумрака, и улыбающийся аристократ показался Лиз порождением мрака, ожившим кошмаром.

Она забилась в изголовье постели, сжавшись в комочек.

— У меня мало времени, девочка. Снимай рубашку и ложись также как эта озерная красотка, персиком вверх.

Голос герцога подействовал на Лиз успокаивающе.

"Это просто клиент. Еще один клиент. Единственный клиент!"

Она немедленно сбросила рубашку на пол и легла на живот, приняв позу красотки на картине.

Герцог взял подсвечник в руку и отошел к двери.

— О, да! Ты ослепительна, малышка!

Поставив подсвечник на пол, герцог быстро разделся, благо на нем была только рубашка и черные штаны в обтяжку.

Лиз с облегчением разглядела волосатую грудь и напряженное орудие мужчины.

"Средних размеров...это хорошо..."

Он лег на нее и вошел резко сзади, прижимаясь судорожно волосатым животом к ее попе.

Ощувив его тело в себе, Лиз постаралась напрячь мышцы, чтобы ускорить завершение. Ее научили этому в "веселом доме" соседки. "Чем быстрее кончит-тем лучше для тебя. Ты же не хочешь, чтобы тебя заездили как сельскую клячу? Мужики на второй раз редко способны!"

Герцог оценил ее усилия и Лиз ощутила болезненный щипок за талию. Она сжала зубы.

"Что это?!"

Щипки следовали один за другим. Бок, спина, плечо. Неожиданные и болезненные как укусы. Лиз застонала, сотрясаясь под ударами разгоряченного тела.

Герцог усилил натиск. От него резко пахло потом человеческим и конским.

Он завершил свое дело, когда девушка уже начала испытывать нарастающее возбуждение. Но тут внезапно мужская рука схватила ее волосы и, наматывая на кулак,

дернула назад. Она вскрикнула от боли и все завершилось.

Последние содрогания...

Лиз лежала, покрываясь мурашками, все также на животе. "Что он еще пожелает?!"

К счастью желаний на этот вечер у герцога Дармштадского оказалось немного. Он откинулся на покрывало. Полежал немного, потом шлепнул Лиз ладонью по заду.

— Ты хороша, девочка, но ты не она...

Он быстро натянул штаны, влез в рубаху и вышел вон.

Лиз потрогала себя за бок.

"Будут синяки....Вот же скотина..."

Она подняла голову и встретила насмешливый взгляд нимфы с картины.

"Ты не она!" Тогда трахай картину, ублюдок и отстань от меня!"

Через некоторое время пришла служанка, не Гертруда, другая, помоложе и покостлявее.

Принесла тазик с водой, а потом ужин на подносе. Холодное вареное мясо, сдобренное чесноком, свежий пшеничный хлеб и кувшинчик с пивом.

— Как тебя зовут?

— Лорейн, а тебя?

— Элиза.

— Ты понравилась господину, Элиза. Тебе повезло. Он щедрый и богатый сеньор.

— Сеньор живет здесь?

— Что ты! Сюда он приезжает только на охоту. Сегодня уже уехал.

— Меня отпустят теперь?

— С чего бы? Такого приказа не было. Его сиятельство еще наведается сюда. Может через день, может через неделю.

Девушка перевела дух. Герцог и впрямь не героический неутомимый любовник. Потешил плоть и только его и видели!

Лиз помылась, а потом села ужинать у окна. За окном ночь. И в душе тоска.

"Мне повезло....Повезло....Чтоб им так повезло!"

Лиз представила на мгновение, как на этой самой постели голый герцог Дармштадский имеет мэтра Тоффини за две тысячи гульденов и весело фыркнула.

Герцог прискакал на следующий день и все повторилось. К старым синякам добавились новые.

Когда сеньор ушел, Лиз дала волю слезам. Герцог стал для нее окончательно омерзительным, грубым животным

Пришедшая служанка Лорейн тут же взялась ее утешать.

— Не плачь, глупая! У тебя будут наряды, деньги, может и собственный домик у реки или в городе. Потерпи и будь ласковее с сеньором. Он твой благодетель и господин.

Лиз отказалась от ужина и забралась под одеяло. На груди, будто камень залег. Так муторно и тошно...Герцогу не нужны ласки-ему нужна та самая нимфа, а не живая девушка...

Лиз разбудило щекотание у кончиков губ. Пахло свежей травой и лягушками. Она отмахнулась и открыла глаза.

Ее разглядывала обнаженная девушка с цветком полевой ромашки в руках.

Лиз села на траве и замерла.

— Кто ты? Где я?

Девушка с очень знакомым, притягивающим взгляд лицом, повела плечами.

— Лиз, не будь тупой коровой!

Лиз затаила дыхание.

— Ты-нимфа озера и ты мне снишься!

— Пусть будет так! — усмехнулась девушка. — Здесь прекрасно, правда, же?

Лиз обернулась. Лесное озеро, вокруг деревья стоят, не шелохнув листком. Гладь воды ровна как натянутое полотно, нет, как зеркало!

Вокруг густые сочные травы. Стрекогут кузнечики. Небо синее-синее, вот только солнца не видно. Махаон сел на плечо нимфы и расправил трепещущие крылышки.

— Чего ты хочешь?

— Я? О, нет, Элиза-это ты хочешь! Тебе нужна помощь и я тебе помогу....

Глава девятая

Утром Лиз помнила свой сон четко со всеми подробностями. А уж предложение о помощи из уст нимфы она не смогла бы забыть ни за что!

Девушка долго разглядывала картину. Девушка с ее телом и почти ее лицом, вот только чем-то неуловимым отличная...

"Странный сон! Как будто наяву!"

Следующие пять дней Лиз никто не беспокоил. Дверь в комнату теперь не запирали, и она разгуливала совершенно свободно по всему охотничьему замку. Правда, за ворота ее не выпускали. Два "цепных пса" стояли на страже-Ханс и Макс-пожилые, седоволосые егеря герцога. Ханс кривой на правый глаз с жуткими шрамами на половину лица, Макс — хромал на левую ногу. Исполнять обязанностей егерей или ловчих эти дядьки уже не могли в силу инвалидности и сторожили ворота.

Поболтать с симпатичной девочкой они были непрочь, да и только.

Впрочем, про что бы не зашла речь, два егеря постоянно переводили разговор на охоту. Лиз слушала вполуха, пытаясь придумать ключик к сердцам инвалидов.

Кроме старых егерей в замке постоянно жили Гертруда и Лорейн. Гертруда была самой старшей. У нее имелись ключи от всех помещений, включая винный погреб и комнату с припасами. Лорейн на подхвате. На кухне постоянно сидела желчная, худющая тетка- Марта. Она с первого взгляда невзлюбила Лиз, и девушка постаралась забыть дорогу на кухню.

Двое сыновей Гертруды десяти и двенадцати лет исполняли обязанности по мелочи. Подай-принеси.

Население замка было маленьким только когда господин не приезжал охотиться.

Старики-егеря расписали, что когда герцог приезжает сюда со всем двором и гостями-все не могут уместиться в замке и для гостей на лугу ставят шатры. Вот тогда на лугу до поздней ночи веселье у костров. Господа веселятся в замке, а слуги на лугу.

Вдоль стены замка изнутри располагались многочисленные стойла для лошадей и помещения для охотничьих псов.

"Пока герцог охотится только на меня!" — горько пошутила Лиз, расхаживая по верху стены. Обширный луг прилегал к замку со стороны ворот. От леса замок отделяла широкая речная протока, также питавшая замковой ров. Стена высока. Даже если удастся спуститься вниз, попадешь в глубокий ров с ледяной водой.

Сыновья Гертруды бегали на реку удить рыбу каждый день.

Мальчишки сторонились Лиз и ей никак не удавалось с ними подружиться.

Гертруда с помощью Лорейн подогнали для Лиз по росту пару платьев и нижние белье из обширных запасов башни.

Наверх башни Лиз тоже забралась. У башни имелась коническая крыша, и наверху водились голуби. Ходить по верхней площадке было опасно-сизари обильно гадили сверху и очень прицельно.

Зато уж вид с башни открывался на многие мили!

Сверху лес казался зеленым морем, бескрайним и спокойным.

"В какой стороне Неймеген?"

Лиз не могла понять, а спрашивать опасалась.

"Подумают, что собираюсь бежать и запрут в комнате как в первый день!"

Лиз маялась от скуки и каждое утро просыпаясь под картиной, вспоминала свой удивительный сон.

На шестой день приехал герцог.

Теперь-то Лиз кое-что о нем знала.

Его имя было Рудольф-Михель-Ульрих. Женился владетель Дармштадта, десяти городков и сотни деревень только в сорок лет. У него во дворце в Дармштадте проживала жена. После пяти лет супружества молодая герцогиня так и не смогла подарить мужу наследника. Герцог и до женитьбы не был монахом, а теперь и вовсе пустился во все тяжкие.

— Ты здесь шестая за этот год, милочка! — без обиняков заявила Гертруда, звеня ключами на обширном животе.

— А что же те девушки?

— Они получили хорошие деньги и почти все сразу вышли замуж, с таким — то приданным! Как только твоя задница надоеет господину-ты и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься у родного порога с кошельком набитым серебром!

Лиз вздрогнула.

Не было у нее родного порога...

Герцог явился как всегда неожиданно. Лиз как раз вышла во двор, чтобы прогуляться по стене.

Егеря-инвалиды, заслышав серебристый призыв трубы, распахнули ворота заранее.

Во двор влетели на рысях конные. Герцог, два пажа и шестеро крепких рейтаров в железных шлемах и в броне.

Герцог быстро спешил. Взметнулся черный плащ.

"Черный ворон!"

Подойдя к Лиз, черный герцог потрепал ее за щеку.

— Иди к себе, девочка, я вскоре буду.

Лиз опоздало, поклонилась и убежала со всех ног в башню под пристальными взглядами герцогской свиты.

Она едва успела раздеться, как черный господин набросился на нее, как моряк на портовую шлюху после многодневного плаванья. На этот раз обошлось без щипков в нежные места.

Повернув удивленно голову, Лиз, сотрясаемая ударами жилистого тела, увидела, что герцог, продолжая делать свое дело, смотрит на картину, глаз не сводит...

"Он же не меня трахает-а эту нимфу!"

Она зажмурилась.

"Терпеть. все вытерпеть...я ему скоро надоем... О, боже, пусть только поскорее, он

мною пресытится!"

Получив свое, герцог ушел как всегда быстро.

Сев на постели, Лиз обнаружила на подушке жемчужное ожерелье.

"Я — шляха герцога. Он мне платит. Возьми и расслабься, дурочка!"

В памяти всплыло лицо Марко, его нежные, ласковые руки... подаренное изумрудное платье...

Лиз тихо заплакала.

Герцог, вопреки обыкновению, остался ночевать и поздно вечером ввалился под хмельком.

Получив свое, не ушел, а уснул тут же рядом. Похрапывал довольный, заполняя комнату запахом мужского пота и перегара. Лиз всю ночь не могла сомкнуть глаз и задремала только на рассвете.

Проснувшись она одна. Герцог умчался по своим делам.

"Господи, сделай так, чтобы он забыл сюда дорогу!"

Глава десятая.

Герцог вернулся на следующий день уже на закате. Лиз увидела его с замковой стены и понеслась сломя голову в свою комнату.

Запыхавшись, она вбежала в комнату и, сдернув со стены картину с нимфой, положила на постель.

Потом влезла в большой, скрипучий шкаф и спряталась под лежалой пахучей одеждой. Она сделала все, так как велела нимфа озера в том сне.

Сердце колотилось как хвостик у собачонки.

Когда она отдышалась и немного пришла в себя, то пришла в ужас от своего поступка.

"Он войдет... Будет искать... Найдет сразу же... Меня выпорют!"

Надо было выйти, пока не поздно! Выбросить бредовый сон из головы и продолжать жить и терпеть.

Лиз протянула руку к дверце.

— Где мой персик? — послышался веселый голос герцога Дармштадского.

Лиз окаменела и, кажется, перестала дышать.

— Я здесь, мой господин. — Отозвался женский томный голос.

— Ого! Мой персик похорошел!

Герцог засмеялся негромко.

Шорох падающих одежд. Скрип кровати.

"С кем он говорит?! Кто занял мое место?"

Лиз укусила себя за палец и передумала выходить из шкафа.

Ритмичный шум и громкое, учащенное дыхание... Женские воркующие стоны.

На постели занимались любовью-было совершенно ясно!

Лиз заткнула уши и зажмурилась, что собственно было излишним. Сквозь плотные дверцы в шкаф свет не проникал.

Она сидела так, повторяя мысленно все молитвы, которые знала. Раз за разом.

Когда ноги и поясница от неудобной позы стали ломить, убрала ладони от ушей.

Прислушалась.

В комнате тихо.

Она просидела еще несколько минут. Ни звука не доносилось. Осторожно тронула дверцу. Скрип показался Лиз оглушительно громким, как внезапный вопль вороны над головой.

Она покрылась мурашками и замерла.

Тишина.

Посмотрела одним глазком.

Никого...?!

Девушка выбралась из шкафа. Правую ногу колото как иголками, шаг едва смогла сделать.

Комната пуста.

На полу валяется одежда и сапоги герцога. На постели все та же картина в рамке.

Та, да не та!

На картине виден овал озера, а на смятой траве не лежит более обнаженная нимфа с лицом и телом Лиз! Картина пуста!

"О, боже! Колдовство!"

На шею повеяло холодом и под сердцем замер комок.

Лиз хромя добралась до лестницы и, хватаясь за перила, пошла вниз, не смея повернуть голову.

Ей казалось, что если она обернется, то увидит что-то настолько страшное, что умрет на месте! Просто не сможет жить!

Обмирая, она спустилась до первого этажа и вышла во двор. Двигаясь как во сне, пересекла двор и вышла через приоткрытые ворота, не увидев никого рядом.

Она шла по дороге через луг к сумрачному лесу, чернеющему в сумерках. Шла и шла на деревянных ногах. Внутренний голос кричал ей: "Беги! Беги, спасайся!"

Лиз шла по дороге, прижимая ладошкой крестик к груди и шепча молитву.

Лес пах хвоей, пыльными листьями, травой и немного гнилью. Лес был живой и настоящий, он не пугал девушку. Она вошла в него и долго брела, не разбирая дороги. Перелезала через павшие деревья, подлезала под лапами елей, обходя только непролазные кусты орешника.

Когда на небо выкатилась луна, проливая серебристый свет на поляны, Лиз вышла в большому развесистому дубу. Без колебаний, она скинула сандалии и полезла наверх, цепляясь за бугристую кору и редкие сухие ветки. Поднявшись до могучей ветви метрах в четырех над землей, Лиз уселась в развилку и замерла.

"О, боже! Что я делаю?! Что со мной!?"

В лесу стояла тишина. Все птички уснули. Звери попрятались.

Лиз обняла бугристый ствол обеими руками, прижавшись щекой к шершавой коре.

"До рассвета отсюда не слезу! Ни за что!"

Она закрыла глаза, и дрожь охватила все ее тело. Постукивали зубы друг об друга, тряслись плечи, дрожали мышцы ног.

Лиз все крепче прижималась к дубу, словно спасаясь от давящего страха его прикосновениями.

Дерево помогло. Оно словно вытянуло из Лиз все темное, что клубилось в ее душе. Дрожь утихла и страх отступил. Не весь, не до конца. Он оставался там, в сердце, холодной вязкой жижей, на доньшке, как густое пиво в недопитой кружке...

"Что я делаю? В лесу, одна, ночью! Я-обезумела!"

Лиз поправила юбку, ощутив как ночная прохлада гладит ее обнажившиеся до колен ноги.

Посмотрела вниз, вдоль ствола и замерла.

Под деревом стоял и смотрел вверх длинноволосый юноша. Серебристо-голубоватый свет луны обливал его своим сиянием с головы до ног.

Он протянул руки к Лиз, улыбнулся немного виновато.

— Спускайся ко мне, девушка. Нам будет весело здесь вдвоем. Идем танцевать на поляне под луной. Слышишь, музыка зовет.

Обливаясь холодным потом, Лиз действительно услышала негромкие звуки скрипки и постукивание бубна.

В памяти Лиз всплыли увещания бабушки Люси.

"С нелюдьё в лесу говорить нельзя. Слово скажешь и тебе конец-уволокут под землю, высосут кровь и изложут твои косточки!"

Она стиснула зубы и зажмурилась.

— Не бойся, милая, я тебе помогу. Слезай, прошу тебя.

Шептал снизу лунный юноша. Голос его разливался по душе и был слаще меда...

Глава одиннадцатая

"От нелюди помогает серебро!"

Лиз сжала правый кулак.

"Мне нужен гульден, всего один! Господи, помоги мне!" Ощувив тяжелый холодок на ладони, она осторожно разжала пальцы.

Серебристая монетка светилась в лунном свете.

Лиз, не долго думая, метнула монетку в лунного юношу. Тот стремительно как кошка извернулся и отскочил на пару шагов.

Погрозил девушке пальцем.

— Ты злая. Я ухожу. Сидеть на жестком дереве очень неудобно. Еще пожалеешь!

Он и вправду ушел.

Не успела Лиз перевести дух, как внизу нарисовался сам герцог Дармштадский. Серебристо-голубой в лунном сиянии господин Дармштадта был грозен лицом.

— Слезай немедленно, непослушная девчонка! Иначе я прикажу своим егерям снять тебя и выпороть!

Лиз испугалась.

Герцог подбоченился.

— Считаю до трех и зову егерей! Не зли меня!

"Герцог один в лесу ночью-не может быть!"

В ладошку ткнулся гульден, еще, еще.

На герцога обрушилась горсть серебряных монет. Он скакнул в сторону как заяц и исчез из виду.

"Тоже нелюдь..."

Лиз улыбнулась.

"Если меня сманивают вниз, а сами добраться не могут- в хорошем месте сажу. В безопасном!"

Она повеселела и заглянула в ладонь. Еще один гульден!

"Мой дар вернулся ко мне!"

Голодная Лиз попыталась представить себе сухарик, ломоть свежего хлеба или куриную вареную ножку. Все напрасно! Серебряные монеты множились в ее ладони. Приходилось ссыпать их запазуху. А потом просто бросать на землю под дерево. Монетки блестели в траве и от этого становилось спокойно и радостно на душе.

Вот только когда зашла луна, серебро перестало появляться в ладони. Холодный ветерок зашуршал в листве и забрался под юбку. Густая темень окутала лес. На расстоянии вытянутой руки ничего не разглядеть.

Лиз прижалась к дереву плотнее.

"Скорей бы уж рассвет! Скорее!"

От ночной прохлады стало зябко, как будто где-то рядом открылась дверь в зиму.

А потом она услышала голос.

— Лиз, крошка моя, мне плохо! Помоги, Господом прошу! Девочка моя...

Голос отца звучал жалобно, непривычно.

"Отец никогда не жаловался. Он был сильным человеком. Сильным и упрямым!"

— Помоги мне доченька! Помоги... Я умираю...

Очередная хитрая нелюдь голосом отца умоляла Лиз спуститься и придти на помощь до самого рассвета.

Девушка искусала язык и губы, боясь произнести хоть слово в ответ. Ее распирало от злости. Горсть серебряных гульденов, брошенная на голос никак не подействовала.

Когда стало сереть небо, голос нелюди затих.

На рассвете замерзшая девушка спустилась вниз, оглядываясь по сторонам, собрала из травы серебряные монетки. Ее сандалии нашлись под деревом, мокрые от росы.

Примерно через сотню шагов Лиз вышла на лесную дорогу, по которой дошла до реки. Это был не полноводный и широкий Рир, а всего лишь приток могучей реки.

Она отломила ветку и бросила в воду. Пошла вдоль берега по течению. Все местные реки текут в Рир, а на берегу Рира-Неймеген.

Солнце поднялось уже высоко, когда дорога привела Лиз к деревне Райхенберг. Здесь за два гульдена она купила старую лодку и полкаравая свежего хлеба.

Она сидела на лавочке, грызла твердую и душистую горбушку. Река несла лодку на своей спине. От блестящей речной ряби резало глаза.

Вечерние и ночные события при свете дня казались очередным кошмарным сном, не более.

Неймеген, ранее казавшийся холодным и равнодушным городом, теперь манил к себе как спасительная гавань, обещая приют и защиту.

Там Тоффини, Марко. Там есть приют для нее и, конечно же, обещанные мэтром деньги.

Колдовские гульдены при свете дня не испарились и не превратились в глиняные черепки или древесную кору. Согревшись за пазухой монетки надежно оттягивали рубашку.

"Смогу ли я еще раз вызвать монеты в свою руку?"

Этот дар опасен как лезвие бритвы цирюльника. Может принести как пользу и достаток, так и страдания и смерть. За колдовство у церковного суда одна награда- смерть!

В полдень под звон колокола с местной кирхи, Лиз миновала городок в месте слияния речки с Риром.

Быстрое течение подхватило и завертело лодку, качая на стремнине. Девушка вцепилась

обеими руками в скамью под собой, шепча молитву. Все обошлось.

Лодку вынесло почти на середину Рира.

Захватило дух от стремительной и обширной водной глади. Тевтонский берег тянулся лесистыми холмами справа. Слева — Конфландия и берег полог.

Лиз забеспокоилась-как бы не проплыть мимо Неймегена! Она взялась за весло и потихоньку начала приближаться к правому берегу.

Глава двенадцатая

С реки Неймеген выглядел очень необычно и непривычно. Город располагался в долине, между лесистыми холмами. Многочисленные корабли и барки теснились у причалов, над стеной виднелись только шпили кирх и две колокольни собора.

Лиз с трудом добралась до пристани и оставила лодку. Она боялась, что стражники обратят на нее внимание. Напрасно.

Стражу и людей епископа интересовали только прибывающие торговые корабли и купцы с толстыми кошельками.

Девушка пробралась через толпу на причале, мимо груд тюков и бочек и прошла в город вместе с прочими приезжими. Стражники у распахнутых ворот лениво на нее покосились и только. Стальные лезвия алебард тускло блестели.

Лиз первым делом направилась на рынок, рассчитывая подкрепиться пирожками.

Колокола на кирхе рядом с монастырем Святой Бригитты отбили четыре часа после полудня. На рынке в это время покупателей меньше и товары дешевле.

До пирожков Лиз не дошла, столкнулась с Ивонной.

Повариха мэтра Тоффини шла по рядам, выбирая живых кур к ужину. Двое парнишек, лет по двенадцать тащили следом за поварихой полные снедью корзины.

— Ивонна!

— Девочка, это ты!?

Повариха поцеловала Лиз в щеку.

— Как ты сюда попала? Тебя же увезли!

— Тише.

— Сбежала? Ох, быть беде! Какая же ты глупая! Большие господа свирепы как голодные псы!

— Не причитай, прошу тебя! Мне нужно увидеть мэтра.

— Он еще не вернулся из собора. Пойдем с нами. Голодная, небось?

— Ага... Только вот, я не пойду в дом мэтра. Не хочу, чтобы у него были из-за меня неприятности. Лучше я пойду в собор и там с ним поговорю.

— Как хочешь, девочка. Я буду за тебя молиться!

Ивонна погладила Лиз по плечу и пошла дальше, махнув рукой. В глазах поварихи Лиз заметила страх и облегчение. Ивонна опасалась с нею разговаривать?

Собор Неймегена посвященный Святому Иакову располагался всего в трех кварталах от рынка.

Лиз быстро дошла до места, утолив голод на ходу пирожком с капустой.

Узкая площадь перед собором вымощена булыжником и тщательно выметена.

Остановившись напротив ступеней ведущих к арке входа, Лиз прошептала молитву и осенила себя крестом.

Собор, самое большое из зданий Неймегена упирался горделиво в небо двумя башнями колоколен. Светло-серый камень стен под солнцем мерцал искорками.

Нищие попрошайки сидели на ступенях здесь и там. Трясли серыми вонючими лохмотьями, жмурились на солнышко.

На Лиз они внимания не обратили. Не похожа она на зажиточную горожанку, но и на женщину из "веселого дома" она тоже не была похожа. Она купила в лавке по дороге чепец и спрятала под него волосы, заплетенные в косу. Шла скромно глядя себе под ноги.

Лиз, с трепетом в душе, вошла в собор впервые за два года, перекрестилась в сторону алтаря, окунув кончики пальцев в чашу с освященной водой. От входа ряды светлых каменных колонн вели ее к алтарю. Никто не остановил ее, не окликнул, не спросил ни о чем.

"Господь пожелал чтобы я вошла в его дом!"

Сердце девушки сладко замерло.

Она купила за гульден толстую пачку свечей и поставила их зажженными, переходя от распятия к статуям святых.

Она шептала молитвы, благодаря небесных покровителей за чудесное избавление от герцога Дармштадского и от нелюдей в ночном лесу.

Под центральным куполом стояли леса, целая роща сосновых столбов. Люди мэтра передвигались по лесенкам и мосткам то туда то сюда.

Лиз увидела знакомые лица. Подошла поближе.

"Марко тоже должен быть здесь!"

Она высматривала своего возлюбленного и не находила.

— Здравствуй, Лиз, ты как сюда попала?

Рядом остановился Вальтер, самый крупный и спокойный из подмастерий.

— Доброго дня. А где мэтр?

— Он на самом верху. Работает красками. В такой момент к нему никто близко не подходит, сама знаешь. Он там совсем рядом с господом.

Вальтер перекрестился.

— А Марко?

Вальтер опустил глаза.

— Марко уехал два дня назад вместе с Лоренцо на юг.

Пришло письмо, что его отец тяжело болен и все семейство ожидает худшего...

— С Лоренцо?

Вальтер улыбнулся.

— Ну, они же любят друг друга.

Лиз открыла рот и замерла.

— Что ты имеешь в виду?

— То самое... Они всегда были вместе и жили в одной комнате. Лоренцо ревновал Марко к тебе. Ходил как больной, разве ты не знала?

Не чувствуя под собой ног, Лиз опустилась на скамью.

"Марко-мужеловец?! Не может быть!"

— Ты не шутишь? — жалобно спросила она у Вальтера.

Тот вздохнул, сделал большие глаза.

— Так оно сложилось. Ты плачешь?

— Соринка в глаз попала... — прошептала Лиз, кусая губы.

"Все кончено...Марко уехал...Все кончено..."

Внезапное крушение всех надежд ударило как дубина вора из-за угла. В ушах настал звон и сердце сжалось в отчаянии...

Вальтер осторожно коснулся ее плеча.

— Ты дождись мэтра, не уходи никуда, хорошо?

— Да, да...

Лиз кивнула, не поднимая глаз. Слезы бежали по щекам и падали на подол платья.

Глава тринадцатая.

В комнате, снятой для нее мэтром Тоффини, в уютном домике, в конце улицы портных Лиз жила размеренной жизнью.

Днем она работала у белошвейки Дагмар, в соседнем доме. Училась шить белье, рубашки, обшивать тесьмой или кружевом.

Вечером пила чай у окошка, слушая как затихают звуки в этом тихом квартале.

Она старалась быть любезной и услужливой с хозяйкой — фрау Кларой. Вдова гильдейского мастера сдавала второй и третий этажи своего дома незамужним девушкам, работавшим в мастерских и строго приглядывала за своими жилищками. Как только темнело, дверь закрывалась на крепкие засовы и никто не мог не войти не выйти. Особы мужского пола в дом категорически не допускались.

Лиз почти не общалась с соседками, жила уединенно и замкнуто. По воскресеньям ходила в церковь, по субботам на рынок с фрау Кларой. Старушка нагружала корзинку снедью от души, потому что ее несла обратно Лиз.

Каждую пятницу мальчик из дома Тоффини приносил ей от мэтра двадцать гульденов. Лиз их за неделю не успевала потратить. Оставшиеся монетки она укладывала под перину в кожаный мешочек. Денежки в ее ладони больше не возникали, как она не старалась. Может быть и к лучшему?

Осень близилась к зиме. Лиз обзавелась меховыми сапожками и теплым шерстяным плащом с капюшоном.

Жить бездельницей она не могла. Рассчитывала по весне вступить в гильдию портных и нанять подмастерий. Стать мастерицей как Дагмар.

Вот только Лиз не ощущала себя здоровой-то ломило в пояснице, то болела голова. Когда же набухли груди и соски приобрели ужасную чувствительность, она встревожилась. С кем бы посоветоваться?

Белошвейка Дагмар-властная и придирчивая со своими подмастерьями, таяла, как снег под солнцем, когда в мастерскую заглядывали ее малышки-девочки восьми и десяти лет.

С Лиз Дагмар всегда была приветливой и дружелюбной на зависть прочим девушкам. Тоффини ей приплачивал?

К Дагмар Лиз и пришла рано поутру со своими странными ощущениями.

Белошвейка сдвинула брови.

— Ты беременна, дорогая! Кому ты доверилась? Какому уроду?

Лиз ахнула.

"Я же под заклятием бесплодия! Но это было в "веселом доме"! Кто отец-Марко или... герцог? Какой ужас! Что же делать?!"

— Элиза, ты все бледная! Тебе дурно? Иди в нужник!

Лиз покачала головой.

— Нет...ничего...

— Ты должна найти того весельчака, что тебя обрюхатил — пусть говнюк жениться и покроет грех! Надо поспешить дорогая, пока животик не выпер!

— Да, да!

— Возвращайся в свою комнату, сегодня тебе стоит отдохнуть.

Лиз вернулась в свою светлую комнатку на втором этаже, легла на постель. Задрала рубашку, помяла свой гладкий, пока еще впалый, животик.

"Во мне ребенок...Чей? Я не хочу! Я боюсь!"

Она проплакала полдня, но потом собралась с духом и, одевшись теплее пошла в серебряный квартал.

День был пасмурным. Ветер гнал с запада серые низкие тучи, неся откуда-то желтые листья.

Кутаясь в плащ, Лиз семенила по узким мощеным улочкам, поглядывая вверх. Дождь был бы очень не кстати!

Привратник-рыжий Ганс узнал Лиз и пропустил вовнутрь.

Лиз узнала от мальчишек, что мэтр у себя в мастерской и сразу же поднялась на второй этаж.

Постучала в дверь кулачком.

Тоффини распахнул дверь, нахмуренный и раздраженный. Рубашка перепачкана на груди красками.

Увидев Лиз, он подобрел лицом.

— Рад видеть тебя, девочка моя! Входи же!

В мастерской горел огонь в камине. Тепло и уютно. На подрамнике все та же картина с недописанным городом счастья.

Тоффини усадил Лиз ближе к огню.

Сел на стул, напротив.

— Что-то случилось?

— Вы были всегда добры ко мне, мастер...

Лиз закрыла лицо холодными ладошками и расплакалась.

Мэтр протянул ей свой платок и погладил по голове. Он этой скупой ласки Лиз разревелась еще сильнее.

— Что ты, девочка! Ты утопишь меня в слезах!

Лиз, давясь слезами, рассказала Тоффини про свою беременность.

Мэтр молчал.

— Умоляю, вас...напишите письмо Марко...

— А если это ребенок герцога?

Лиз подняла глаза. Глаза Тоффини серьезны до ужаса!

— Мне придется вытравить плод? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Откуда ты знаешь о таком? Это великий грех, Элиза!

— Рожать без мужа-еще больший грех и позор!

Тоффини взял руки Лиз в свои-горячие, сильные...

— Герцога Дармштадского так и не нашли. У тебя в чреве, возможно, наследник и будущий господин Дармштадского герцогства.

Лиз охнула.

— Герцогиня Марлис-бездетна. О других бастардах покойного герцога ничего не известно. Братья герцога умерли во младенчестве. Есть конечно дальние родственники...

— Если они узнают-мне не жить!

— Что ты! Никто не узнает.

Мэтр налил из кувшина в кружку воды, принес Лиз.

Приоткрыл дверь. Порыв ветра качнул пламя в камине. Ветер пах дождем и мокрой землей.

— Погода испортилась. Оставайся на ночь в своей старой комнате. Ее никто не занял. Я подумаю, как тебе помочь.

Глава четырнадцатая

Тоффини так ничего и не придумал. Лиз осталась жить в его доме. Она помогала Ивонне на кухне, шила рубашки мэтру и его подмастерьям. Чему-то у белошвейки Дагмар она все же научилась.

Иногда она позировала Тоффини, на этот раз — одетой. Он делал множество набросков карандашом.

— Для чего это, мастер?

— Есть одна затея...Пока она витает в воздухе...

Мэтр покрутил кистью над головой.

— Ничего заранее не хочу говорить.

Лиз больше и не спрашивала. Нужно-позировала, не нужно-занималась по хозяйству.

Прошла неделя. В воскресенье Лиз не пошла в церковь со всеми. Выпал свежий снег и на улицах под ногами сразу же образовалась наледь.

"Если я упаду-это может повредить ему".

Лиз думала о ребенке постоянно. Она уверила себя, что дитя от Марко. Так было спокойнее на душе. Ребенок от любимого человека-это подарок небес...

Мэтр погладил Лиз по голове, он все понял.

Оставшись одна, Лиз вошла в комнату, в которой раньше жил Марко. Здесь на пустой, не застланной кровати она всласть наплакалась.

"Если бы я знала грамоту-сама написала бы Марко! Он тогда обязательно бы вернулся ко мне!"

Когда Тоффини со своей свитой вернулся из церкви, Лиз подошла к нему с этим вопросом.

— Мастер, я хочу научиться читать и писать.

— Для этого найдется достойный учитель.

— Я с радостью возьмусь тебя учить, дочь моя!

Лиз обернулась.

— Отец Мартин!

Она со слезами на глазах поцеловала руку монаха и получила благословение. Полное добродушное лицо отца Мартина расцвело улыбкой.

— Давно я тебя не видел, Элиза, ты похорошела.

— Спасибо святой отец.

— Да, да, в самом деле! Ты давно не ходила в храм на исповедь? Я исповедую тебя.

Лиз и отец Мартин поднялись в ее комнату.

Девушка обо всем чистосердечно рассказала доброму старику. Получила неожиданно мягкую епитимью и отпущение грехов к своему огромному облегчению...

Монах пообещал приходить каждый день, чтобы учить Лиз грамоте.

Он исполнил свое обещание. Невзирая на снегопад и пронизывающий северный ветер, отец Мартин приходил утром каждый день. Он учил Лиз чтению по святой книге. Для письма мэтр Тоффини выдавал бумагу и карандаш.

Сначала все шло очень скверно. Буквы не желали складываться в слова, а вместо букв рука девушки рисовала дрожащие каракули.

Дни шли за днями.

К Рождеству Лиз уже читала по слогам.

Во дворе дома мэтр распорядился поставить елку. Дерево украсили разноцветным серпантинном из бумаги и разноцветными леденцами. Привратник Ганс присматривал, чтобы мальчишки их не воровали.

У Лиз исчезли всякие сомнения. Ее животик подрос и только широкая юбка укрывала его от посторонних глаз.

Ивонна погадала на куриных потрохах и уверенно заявила о том, что у Лиз будет мальчик.

— Мальчик, прихожий и красивый.

— Как Марко, с карими глазами и кудрявый?

Ивонна усмехнулась.

— Поживем, увидим!

На рыночной площади Неймегена гудела каждый день ярмарка, самая богатая и веселая в году. Горожане и приезжие гости заполняли площадь веселой толпой. Здесь же пришлые комедианты давали представление за представлением. На каждом углу торговали грымсом красным вином и жареными сосисками. Палатки торговцев подсвечивают в сумерках сотни свечей. У костров, где жарят тушки свиней, греются гуляки, изрядно навеселе... Смех, песни со всех сторон.

Так было в прошлом году, когда Лиз с девушками из "веселого дома" ходила на ярмарку. Где то лежат бусы купленные тогда...

В трактирах у пристани пиво лилось рекой. По студеным волнам незамерзающего Рира приплыло под Рождество множество судов.

Бурлящий весельем город привлекал многих. Окрестные аристократы тоже съехались в город в ожидании торжественной ночной службы. Епископ рирский сам должен был служить в соборе в рождественскую ночь.

Лиз очень хотелось попасть на ярмарку, но она боялась толчеи и многолюдства. "Ему могут повредить..."

Растущий в ее теле ребенок занимал мысли.

"Какой он будет, мой малыш?"

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Работы в соборе были приостановлены и леса разобраны. В холоде краски сохли слишком долго.

Тоффини без дела не сидел. Множество заказов поступало от знатных особ. Портреты, портреты...

Весь день высокородные господа с женами посещали дом мэтра и позировали для них.

Лиз сидела в своей комнате, боясь высунуть носа весь день. Ни к чему знатным господам знать о ней.

Под вечер усталые слуги мыли кисти. Подмастерья ужинали вместе с мэтром. Лиз сказалась больной и осталась в комнате.

На мутных кругляшках узкого окна вырос обильный иней. Девушка сидела, кутаясь в плащ у камина, зачарованно глядя в плещущие по березовым поленьям языки пламени. Дрова в этом году были дороги и Лиз экономно подкладывала поленья. На столе лежал карандаш поверх листа бумаги. Она никак не решалась начать письмо к Марко. В голову ничего не приходило-только пустой вздор...

Отец Мартин хвалил ее за старательность, но Лиз понимала, что добрый монах льстит ей. Буковки выходили корявые и разные по высоте, только что пузатенькие, округлые. "Как я..."

Свинцовый карандаш — это не то, что перо, смоченное в чернилах...

Постучав в дверь, вошел мэтр Тоффини.

— Ты совсем одна, моя птичка. Пойдем на ярмарку? Сегодня самый веселый вечер, а завтра в сочельник уже будет по иному. Идем?

— Я толстая и неуклюжая, мастер. А если упаду?

— Что за вздор! Идем же, тебе надо плотнуть свежего воздуха! Сегодня совсем не холодно!

Лиз подчинилась. Спускаясь по лестнице под руку с мэтром спросила:

— Отец Мартин сегодня не приходил. Он не заболел?

— Праздник же, Элиза, старику тоже надо отдохнуть. Мы старики-быстро устаем.

— И совсем вы не старик, мастер! — возмутилась Лиз.

Тоффини улыбнулся ей печально в ответ.

Глава пятнадцатая

В повозке холодно. Зуб на зуб не попадал бы, если бы не кляп во рту!

Лиз дышала носом. На голове темный мешок и руки связаны за спиной...

Везли ее долго. Два человека сидели по бокам истуканами.

"Боже, как мерзнут ноги..."

Тоффини оставил Лиз на ярмарке у прилавка со сладостями. Обещал сюрприз.

Такого сюрприза девушка не ожидала.

Ее потянул за рукав сутулый человечек, по одежде вроде слуга.

— Госпожа Элиза, мэтр зовет вас.

— Куда?

Человечек назвал ее по имени и это не вызвало подозрений.

— В лавку стекольщика, здесь рядом.

Лиз пошла за незнакомцем. За дверью лавки ее ждали крепкие парни в плащах. Заткнули рот, связали руки и вытащили споро через заднюю дверь. Она пробовала кричать и отбиваться, да только все попусту...

В повозке на полозьях ее вывезли из города, скрипел снег, тупали копыта, а похитители молчали.

Оцепеневшая от холода и страха Лиз ждала, чем все кончится.

"Боже, зачем я пошла на ярмарку?! Зачем! Кто эти люди? Господи, помоги мне!"

Долгий путь закончился. Ее вывели под руки и завели в тепло. Вверх по лестнице...

— Госпожа, она доставлена.

С головы Лиз сдернули мешок. Она заморгала от яркого света свечей и задрожала от страха.

Та же комната в башне охотничьего замка. Над постелью картина с лесной нимфой.

От окна быстрым шагом приблизилась женщина в черном платье. Голубые глаза незнакомки расширились.

— Выньте кляп! — приказала, не отводя взгляд от лица Лиз.

Она была старше лет на пять. Лицо с выраженными скулами напряжено. Властные морщинки пролегли от носа к углам губ.

— Что вам от меня нужно? — пролепетала Лиз, едва шевеля сухим языком.

Незнакомка схватила девушку за шею обеими руками.

— Где мой муж, шлюха? Куда ты его задевала?

"Герцогиня Марлис?!"

Лиз в ужасе замерла, забыв даже дышать...

Лицо герцогини Дармштадской исказилось гримасой ненависти.

— Где он? Отвечай!

— Госпожа, вы задушите ее.

Герцогиня оглянулась на говорившего. Убрала руки.

— В подвал и на дыбу! Пусть все расскажет!

Лиз попыталась упасть на колени, но ее подхватили под руки и поволокли вон.

— Нет! Умоляю вас! Я все скажу! Герцогиня, Прощу вас! Всеми святыми!

Лиз волокли по лестнице вниз и тогда она крикнула что есть мочи:

— Я беременна от вашего мужа!

Слуги замерли.

— Верните ее! Быстро! — крикнула сверху герцогиня Дармштадская.

Лиз привели обратно в комнату.

Сняли веревки, усадили на стул. Герцогиня выгнала слуг.

Села напротив. Пальцы нервно сжаты в замок. Роскошные черные брови сошлись к переносице.

— Расскажи мне все, девочка. Я в этих землях полная хозяйка и от меня зависит твоя жизнь. Все честно и без утайки!

Лиз рассказала обо всем. Про картину, про мэтра Тоффини, про внезапную страсть герцога Дармштадского, про свое бегство. Про свой дар Лиз благоразумно умолчала.

В конце рассказа герцогиня смотрела уже не на Лиз, а на картину.

— Тоффини — колдун, а ты его преспешница! — прошипела герцогиня Марлис сквозь зубы.

— О, нет, ваше сиятельство!

— Молчи! Мне все ясно! Тоффини гореть на костре и тебе тоже!

Лиз заплакала.

Герцогиня позвала слуг и велела снять со стены картину с обнаженной нимфой и вынести вон.

Потом она потрогала живот девушки, нехорошо улыбнулась и вышла.

Лязгнул засов.

Сочельник и Рождество Лиз провела в этой комнате, молясь на коленях за себя и

малыша. Герцогиня больше не появилась. Вместо ее явилась мрачная старуха в черном. Осмотрела девушку, помяла живот и ушла ни слова ни говоря.

Дни шли за днями. Лиз жила в комнате как тюрьме. Ее не выпускали никуда. Незнакомая служанка приносила еду и воду, уносила ночной горшок.

На вопросы Лиз служанка ничего не отвечала. Как глухонемая!

В комнате было тепло-труба от очага проходила по стене.

Жить можно, вот только как долго?

С мыслями о церковном суде с обязательными пытками и о позорной смерти на костре Лиз по ночам плохо спала.

Почему герцогиня сразу не отдала ее в руки церковного суда? Что ж она медлит? Схватили ли мэтра?

Дни и ночи бежали друг за другом. Дни отмечала царапинами на штукатурке под окном.

Однажды ночью Лиз проснулась от странных ощущений. Положив руки на живот, она убедилась в том, что ей не почудилось. Ребенок зашевелился...

Теперь она обрела собеседника. Она разговаривала с малышом, ощущая как маленькие ножки или ручки изнутри давят на ее прохладную ладонь.

Страх притупился.

"Господь не оставит нас своей милостью!"

Опять появилась та же старуха, видимо-повитуха. Голос, правда, у нее оказался мягким, грудным, добрым.

— Малыш шевелится?

— Да...

— Хорошо. Настоящий воин будет! Съесть чего хочется?

— Соленых огурцов бы...

— Принесут.

Старуха вынула из котомки шерстяные полосатые чулки.

— Надень. Ноги должны быть в тепле.

— Спасибо вам, добрая женщина.

Старуха внезапно протянула руку и погладила Лиз по волосам.

— Меня зовут-Мета. Я буду жить в замке. Если нужна буду-зови.

Лиз заплакала, а Мета прижала ее к груди и гладила по голове.

От этой скупой ласки Лиз разревелась еще пуще.

— Ну, ну, хватить слезы лить. Малыш будет беспокоится!

Глава шестнадцатая

Лиз поняла, что пришла весна, когда исчез иней со стекляшек на узком окне.

Она отложила вязание на кровать.

Тихая, уютная, теплая комната опостылела ей до крайности.

"Глотнуть бы свежего воздуха!"

Она положила ладонь на тугий живот. Если бы не малыш, она с ума сошла бы в этой тюрьме!

Мета, приходя изредка, рассказывала новости из города. Племянник ее служил в замке конюхом и раз в неделю ездил в Неймеген. За хлебом и пивом для стражи.

Про Тоффини ничего в городе не рассказывали. Италиец давно уже не был новостью — еще одна знаменитость, бросившая якорь в Неймегене-только и всего.

"Если бы его схватили и отдали в руки церковного суда-об этом бы сразу слухи пошли!"

Отсутствие вестей о мэтре было само по себе хорошей новостью.

— А что герцогиня Марлис?

Мета свела брови.

— Не называй госпожу по имени, не дай бог, кто услышит.

— Это по ее же приказу меня здесь держат? Зачем, Мета?

Женщина опустила глаза.

— Ты здесь под охраной и тебе ничто не грозит.

— Родственники герцога, да?

— Это не нашего ума дело!

Мета перевела разговор на более безопасные темы.

Лиз, вечером задув свечу, легла под одеяло и замерла от внезапной ужасной мысли.

"Герцогине нужен мой малыш! У нее нет детей от герцога. Моего малыша она выдаст за своего. Я буду ей не нужна живой после этого!"

Она поджала ноги и обхватила живот руками.

"Не отдам! Ни за что! Господи, помоги мне!"

Пришел не страх, пришла злоба. Отчаянная решимость защищать себя и малыша.

"Надо бежать отсюда и чем быстрее, тем лучше!"

Тусклый свет луны просачивался в окошко.

Лиз ощутила в ладони холодок....

К утру под подушкой лежала груда серебряных гульденов...

Мета пришла вместе со служанкой, приносившей завтрак. Угрюмую, костлявую тетку звали Хеди. Она не была глухой, а вот язык ей отрезали давным-давно, по приказу герцога.

Дождавшись когда Хеди выйдет, Лиз взяла Мету за руку.

— Помоги мне бежать отсюда! У меня есть деньги, я заплачу!

— Элиза, что ты такое говоришь?

Лиз быстро приблизилась к шкафу и отворила дверцу. Сияющая куча гульденов произвела впечатление, но совсем иное, нежели она ждала.

— Ты глупенькая, моя девочка, если полагаешь что меня легко купить!

Я еще не сошла с ума. Я служу госпоже много лет и надеюсь умереть от старости, а не от веревки палача!

— Возьми эти деньги и помоги мне! Я знаю, я чувствую — мне не выжить!

Герцогиня прикажет меня убить, как только родится малыш!

Мета поджала губы.

— Успокойся, и вытри слезы. Что за чепуха завелась в твоей голове? Никто не желает твоей смерти. Еду, что тебе подают, пробует вначале охранник. В замке тридцать вооруженных молодцов. Тебя охраняют как герцогиню!

— А потом они же меня и прирежут?!

— Они отвечают головой перед герцогиней.

— Я говорю, а ты меня не слышишь!

— Полно кричать, девочка. Это вредно для ребенка. Ты же не хочешь родить монстра или калеку?

Лиз закрыла рот рукой и испуганно умолкла.

— Откуда здесь появились деньги?

— Мне их подарил герцог, и я спрятала их в шкафу. — выпалила Лиз. Про свой волшебный дар рассказывать она не собиралась.

— Вот как? Ну раз у тебя есть денежки я могу для тебя купить что-нибудь особенное-сласти или наряды.

— Ничего не надо...

Мета покачала головой.

— Что-то все же нужно?

— Подышать свежим воздухом!

— На дворе еще холодно и ты можешь простудиться. Не сейчас.

"Мета тоже-тюремщица, только добрая! Цепная герцогская сука! Какая же я дура!"

— Тогда купи мне полотна, буду шить детское белье.

— Ты умеешь шить?

— Я училась у фрау Дагмар в Неймегене. Мета, прошу тебя. Мне очень тяжело и скучно!

Мета погладила Лиз по плечу.

— Будь по твоему, полотно тебе купят.

— Иголки и нитки не забудь!

— Хорошо, хорошо. Все доставят.

Лиз немедленно вручила женщине двадцать гульденов. Монеты серебряными рыбками утекли в сильные ладони Меты.

Она тут же ушла, закрыв за собой дверь на засов.

Лиз укусила себя за указательный палец.

"Должен быть выход хоть какой-нибудь!?"

А ночью Лиз увидела во сне нимфу озера. Она плыла, раздвигая воду высокой грудью. Ее белокожая нагая фигура четко видна на фоне почти черной воды. Нимфа обернулась к Лиз и улыбнулась подбадривающее...

Глава семнадцатая

Лиз проснулась от ощущения чего-то необычного рядом. Звук? Запах? Да, да!

Она открыла глаза, и села на постели. Свеча догорела, но через окно поступало достаточно света.

В глиняной кружке на столе стояли подснежники. Тугой пучок зеленых листьев и стеблей, синие цветы на гибких шеях.

Лиз, нащупав шлепанцы у постели, быстро встала и подошла к столу.

— Настоящее чудо!

Она нагнулась, вдыхая аромат весенних цветов полной грудью. Цветы пахли весной и свободой.

Закрыв глаза, она представила себе весенний, прозрачный лес, редкие сероватые сугробчики талого снега и на полянках под теплым солнышком синий ковер подснежников!

Солнце грело лицо. Веерок пробежал прохладными пальцами по шее.

— Здравствуй, Элиза.

Девушка открыла глаза и ахнула.

Комната в башне замка исчезла. Вокруг был весенний лес и солнце через голые сучья и ветки светило дроbiaщимися лучиками в глаза.

В нескольких шагах от нее, у дерева стоял юноша в коричневой одежде с зеленым плащом. Капюшон плаща откинут на плечи. Длинные, золотистые волосы падают на плечи юноши. Бледное лицо печально. Юноша смотрит под ноги Лиз, не поднимая глаз. От ног юноши сплошным ковром до ног Лиз стоят крепкие подснежники, распахнув лепестки навстречу солнцу.

— Кто ты? Я тебя знаю?

— Ты не помнишь меня? Осенней ночью в полнолуние я звал тебя танцевать, а ты бросалась в меня с дерева серебряными монетами.

Голос лесной нежити тих и мелодичен. Лиз попятилась.

— Не бойся, я не причиню тебе зла.

— Кто ты?

— Я-Тируэль, хранитель леса.

— Чего ты хочешь?

— Хочу помочь тебе.

— Зачем?

Тируэль мягко улыбнулся.

— Ты мне нравишься.

— Такая-брюхатая и толстая?!

— Ты неправа, Элиза. Ты-прекрасна. В тебе яркий свет. Свет твоего дара и свет твоего малыша... После рождения сына твоя красота расцветет с удивительной силой. Многие мужчины сложат свои сердца к твоим ногам и твоя мечта исполнится-у тебя будут красные башмачки, самые лучшие в Умбрии!

— Не надо меня утешать! Я живу пока не родится ребенок! Отведи меня в Неймеген! Умоляю тебя!

Тируэль покачал головой.

— Я сожалею, Элиза. Этот лес всего лишь иллюзия. Ты по-прежнему в своей башне, стоишь у стола и вдыхаешь аромат моих цветов.

— Это все видение?

— Оно как настоящее. Ведь ты мечтала выйти из заточения и подышать свежим воздухом?

— Все обман....Уходи...

— Я уйду, только помни-сохрани один из цветков и в трудную минуту проглоти его. Это спасет твою жизнь, поверь мне...

Лиз сделала шаг назад и села на постель.

Весенний лес и Тируэль исчезли в один миг. Подснежники на столе в сумрачной комнате по-прежнему зелены и пахучи.

"Это был сон или явь?"

Девушка сорвала один из цветков и спрятала под подушку.

Когда пришла Мете, Лиз узнала от нее что подснежники принесла немая Хеди.

Дни шли за днями. В шкафу детская одежда из мягкого полотна заняла целую полку. Лиз сшила рубашку Мете, немой Хеди, даже племяннику Меты, которого в глаза не видела ни разу.

Монотонная работа с иглой и нитками отвлекала от печальных мыслей, от ощущения заточенной в тюрьме пленницы.

За работой она думала о Марко, о малыше. Перебирала имена. Ни на одном не

остановилась.

Каждый день для Хеди она оставляла монетку на краю стола. Немая служанка приносила ей свежие цветы из леса, всякие лакомства, видимо уворованные из кладовой.

Однажды Хеди не закрыла за собой дверь, унеся поднос с остатками обеда.

Лиз заколебалась. Выйти хотелось до дрожи в коленях, но далеко ей не уйти с таким тяжелым животиком.

Она выглянула за дверь. Никого. Осторожно держась за перила, спустилась вниз на первый ярус башни. Нести впереди себя живот очень неудобно. Спина болит...

В большой комнате также никого не оказалось.

Лиз прислушалась. За темной, дубовой дверью разговаривали.

Девушка осторожно приложила ухо к двери.

— ...будешь переживать. — Сказал негромко незнакомый мужчина.

— Не буду. — Ответила Мета.

— Тебе нравится эта девчонка, ты о ней только и болтаешь всеми днями. Ты обо мне так много не болтаешь! Она тебя околдовала что ли?

— Придержи язык, юноша!

После недолгого молчания мужчина спросил:

— Скоро ей рожать?

Лиз вздрогнула и наострила уши.

— Тебе то какое дело?

— Надоело торчать в этой лесной дыре!

— Приказ госпожи ты обязан исполнять и помалкивать! — отрезала Мета.

— Ты могла взять ее серебро и мы бы уехали.

— Куда, глупец?

— А хоть бы в Конфландию, через Рир переплыть на лодке и готово! А девке камень на шею и концы в воду. Теперь она раздает деньги которые могли быть нашими!

— Не надо грех на душу брать. Она отдает гульдены Хеди, а та- мне. Ничто не пропало. Чего ты брюзжишь как старикашка?

— А ты уверена что немая все гульдены тебе отдает?

— Уверена. Если бы не я-этой дуре давно бы не жить!

Молчание.

— Тетушка, ну когда же мы вернемся в Дармштадт?

— Когда родиться ребенок.

— Я тут с ума сойду от скуки!

— Не сойдешь. Госпожа нас щедро наградит, вот увидишь!

Лиз отошла от двери и тихонько побрела наверх в свою "камеру". Подниматься оказалось тяжелее чем спускаться. Она закусила губу и преодолела подъем. Ребенок зашевелился. Толкал ножкой.

Лиз погладила себя по тугому животу.

— Ничего, ничего, мы еще всем покажем!

Глава восемнадцатая

Всему бывает конец. Даже боли...

Боль, терзавшая живот утихла и, сморгнув слезы, потная Лиз с трудом приподняла голову, чтобы увидеть между своих дрожащих голых колен напряженное лицо Меты.

— Держись, девочка, еще немного, я уже видела головку.

Голова Лиз упала на подушку, мокрую от пота.

"Боже, господь мой милостивый! Когда же это закончиться!?"

Воды отошли еще утром. За окном уже смеркалось, а Элиза никак не могла разродиться.

Боль коварная, как палач, уходила, давая отдых, а потом набрасывалась с новой силой.

Во время схваток Лиз кричала и металась, только крик не приносил облегчения...

Измученная Лиз поклялась больше никогда ни одного мужика к себе не подпускать! Ни перед кем из их братии не раздвигать бедер!

Клятвы облегчений тоже не принесли.

Дрожащей рукой она в который раз нащупала под подушкой сложенный листок бумаги, в котором покоился засохший подснежник.

"Если господь не пришел на помощь и Божья мать меня не слышит-так может лесной дух придет на помощь?"

Только приняв помощь нежити она погубит свою душу...

Лиз отдернула руку.

"Что же мне делать? О, боже, что?!"

Лиз ждала прихода боли и так не заставила себя ждать....

Комкая руками простыни, девушка закричала как смертельно раненный зверь.

Боль раскаленным мечом вонзилась в ее чрево.

— Тужься, миленькая! Еще! Еще! — вскрикивала Мета.

Правая рука Лиз помимо ее воли выхватила из под подушки листок бумаги и затолкала прямо в разинутый рот...

Девушка, давясь криком, яростно разжевала кусок бумаги вместе с содержимым. Проглотила....

В голову пришел легкий звон наступило блаженное ничто, без боли, без страданий. Она утонула в этом блаженстве, в ласковых объятиях тьмы.

Потом пришли сны и голоса.

...-Отмучилась, бедняжка...

— Такая молоденькая!

— Убирайся, Дитрих, нечего глазеть на голую покойницу!

Раздался шлепок.

— Тетя, за что?!

Замяукал котенок, нет, это малыш подал голос....

"Мой малыш..."

Мягкие руки завернули ее в шершавую ткань, ноги связали в щиколотках веревкой. Потом сильные крепкие руки понесли.....

Ее положили в мягкую постель и накрыли одеялом рыхлой земли и настала тишина...

Лиз снился страшноватый волшебный сон.

Она лежала в неглубокой могиле рядом с лесной полянкой. Корни, тонкие веточки корней травы и деревьев сплели вокруг ее тела защитный кокон, оплетали запястья и щиколотки и через них в ее тело вливались сила и жизнь, вливалось солнце, впитанное листьями и травинками, вливалась свежесть утренней росы и запах полевых цветов.

"Если я умерла, то почему я это вижу? Когда проснусь, расскажу...Кому? "

Лиз улыбнулась.

Двигаться не хотелось. Усталость сомкнула глаза.

Ночь сменяла день, потом пришел еще один день и еще одна ночь...

Легкое щекотание началось от щиколотки левой ноги и направилось выше к подколенной ямке.

Лиз отмахнулась рукой и, услышав тихий смех, резко поднялась и села, щурясь на яркий свет.

На корточках рядом сидел Тируэль, держа в руке длинную травинку с метелкой. Хранитель леса улыбался, довольный своей шалостью.

Залитая солнцем поляна рядом, Лиз сидела в тени под яблоней, утопая в высокой душистой траве. Кроме длинной полотняной рубашки на ней ничего не оказалось.

— Ты мне опять снишься?

— Это уже не сон, Элиза.

— Да?

Девушка приложила ладонь к своему плоскому животику и вздрогнула.

— А как же мой малыш? Все мне приснилось?

— Твой малыш жив и здоров. При крещении новый герцог Дармштадский получил имя-Мартин.

— Герцог...крещение...

— Герцогиня Марлис очень довольна. Теперь больше не надо привязывать подушку к животу. Теперь она опекунша при малолетнем герцоге и Дармштадт не уплывет из ее крепких ручек.

— Она забрала моего малыша!

Лиз быстро вскочила на ноги.

— Куда, ты, глупая?!

— В какую сторону Дармштадт?

— Ты хочешь прибежать ко дворцу герцогов в одной рубашке и потребовать вернуть своего малыша?

Лиз закусил губу.

"Он прав, а я дура!"

— Это прямая дорога в сумасшедший дом, Элиза, а потом в руки инквизитора.

Ты умерла, тебя похоронили, правда, без обрядов, как собаку, но все же. Как вдруг покойница является среди бела дня с претензиями! Что с тобой сделают, подумай? Хворот для твоего костра соберут в этом же лесу.

Лиз села, на траву обняв колени.

— Что же мне делать?

— Оставайся со мной. Будет весело!

Тируэль улыбнулся очень доброжелательно.

— Когда я лежала в земле-это был не сон?

— Нет, не сон.

— Герцогине доложили, что я умерла?

— Именно так, моя красавица!

— Ты хочешь, чтобы я стала навью?!

— Это не возможно! — расхохотался Тируэль-Навью становятся малолетние дети, умершие без крещения или задушенные матерями, мертворождённые. А ты живая, ты не

умирала без крещения.

Лиз прижала ладонь к груди и обнаружила, что крестик на бечевке исчез.

— Где мой...

— В этом лесу ты под моей защитой.

Глаза Тируэля приблизились. Изумрудные как молодая листва.

Лиз с трудом проглотила комок в горле.

— Отпусти меня, хранитель леса... — жалобно попросила она.

— Твой мир жесток и кровав. Его ждут новые испытания. Мор, война, кровавые бунты.

Зачем тебе туда? Оставайся со мной и проживи свой век в нестареющем теле!

— А мой малыш?

— У него будет все самое лучшее. Няньки, кормилицы, игрушки. Потом рыцарский конь, золотые шпоры и лучших италийских мастеров латы, любовь красавиц и доблестная смерть в сечи за императора.

— Ты видишь будущее? — Лиз прижала руку к горлу. — Мой сын умрет молодым?!

— У будущего много тропинок, Элиза.

— Отпусти меня, Тируэль, умоляю тебя....

Лиз заплакала.

Тируэль тут же протянул ей изящный носовой платочек.

— Я не держу у себя никого силком, глупая. Если хочешь идти-иди, но только в Неймеген. Мэтр Тоффини тебе поможет.

— А если меня узнают?

— Это вряд ли! — весело хмыкнул лесной дух.

Глава девятнадцатая

— Тебе известен мэтр?

— Да и что тут странного? У него в жилах течет кровь древних владетелей. У него есть дар и Мабон он праздновал с нами. Тоффин всему нашему кругу пришелся по душе! Через две недели я надеюсь встретить тебя на Крахен Хюгель, Вороньей горе.

— Ты приглашаешь меня на шабаш?

— Да, моя красавица.

Тируэль надел на голову Лиз венок из полевых цветов.

Двойственные чувства овладели девушкой-страх и восторг. Лесной дух стал ее другом и зовет на шабаш! Летать голой на метле! А что дальше там будет?! Целовать Сатану в зад, пить кровь младенцев и спариваться с бесами?!

Всем известно, что лохматые ведуны и ведьмы в белых развевающихся сорочках или звериных шкурах или совсем голые собираются на проклятую гору, творят буйные, нечестивые игрища, пляшут вокруг кипящих котлов и чёртова требища, совещаются на пагубу людей и животных, ищут волшебные зелья. Среди сонма ведьм докладывают Сатане о содеянных ими злых деяниях и сговариваются о планах новых дел, причём в случае недовольства которой-нибудь из них Сатана тут же награждает ударами провинившуюся. По окончании деловой церемонии, при свете факелов, зажжённых от пламени, которое горит между рогами большого козла, приступают к пиршеству: едят лошадиное мясо, а напитки пьют из коровьих копыт и лошадиных черепов. Затем следует бешеная постыдная пляска

ведьм с чертями, от которой на другой день остаются на месте следы ног коровьих и козьих. Инструментами для музыкантов служат вместо волынки лошадиная голова, а вместо смычка — кошачий хвост. Далее совершается сожжение козла, чёрного быка и чёрной коровы. Шабаш оканчивается свальным грехом при полном мраке, после чего ведьмы на своих метлах возвращаются домой.

Тируэль хихикнул.

— Люди сочиняют много небылиц про наши празнества. Все будет восхитительно и радостно! По доброй воле и во славу Великой Матери!

Я буду ждать.

Лесной дух изящно поклонился.

— Ты не проводишь меня до края леса, милый Тируэль?

— По этой тропе ты дойдешь до бобровой плотины на речке. За рекой лес мне не подвластен, там охотничьи уголья местных господ рыцарей. Но ты не бойся. Я послал весточку. Мой друг будет ждать тебя за плотиной. Он проводит до Неймегена к мэтру Тоффини.

— Как имя этого друга? Как я его узнаю?

— Он сам тебя узнает по этому венку. Не потеряй его, смотри!

— Я твоя должница, Тируэль, благодарю тебя за помощь...

Лесной дух печально улыбнулся. Коснулся кончиками пальцев плеча Лиз. Она посмотрела вниз, на себя и ахнула. Зеленое бархатное платье появилось на ней в одно мгновение! То самое что подарил Марко?!

— Забудь. Ты мне ничего не должна. Ступай же!

Лиз сделала послушно два шага по тропе. Опомнилась. Обернулась. И никого уже не увидела на узкой поляне. Тируэль растаял как дым.

Лиз пошла по тропе, лакомясь по дороге крупной земляникой.

Съев горсточку, она с удивлением ощутила что насытилась.

"Воды бы..."

Тропинка увела в лощинку прямо к ручью, пробивавшемуся, звеня из под серых каменных плит.

Она напилась холодной, вкуснейшей водой и пошла дальше, заплетая волосы в косу. Закончив с этим нехитрым делом, Лиз посмотрела на кончик косы и ахнула. Волосы! Ее русые волосы поменяли цвет на темно-каштановый!

Это сделал Тируэль!? Когда и зачем?! Чтобы не узнали?

Потребность заглянуть в зеркало стала жгучей необходимостью. Только где его взять в лесу?!

Лиз обернулась на легкий шорох.

У тропинки стояла косуля, грациозное существо на точеных ножках с влажным носом и настороженными ушками.

Девушка замерла. Косуля смотрела кротко, осторожно нюхая воздух.

— Какая ты миленькая... — прошептала Лиз. Ей очень захотелось протянуть руку и погладить животное по спине, но побоялась испугать.

Косуля дернула хвостиком и поскакала вдоль тропы.

Лиз проводила ее взглядом и поспешила следом.

Она быстро шла по тропинке, босая. С каждым шагом прошлое отдалялось все больше и больше. Внезапная беременность, мучительное заточение в душевной башне, роды...все

удалялось прочь, выветривалось из памяти как сон, приснившийся под утро.

Даже ее сын, ее малыш, которого она так и не увидела, стал частью этого прошедшего сна. Касаясь своего плоского живота, Лиз улыбалась с недоверием.

Было ли все это? Может приснилось?

Пронизанный солнечными лучиками лес пах смолой, грибами, душистыми травами. Едва покачивались кроны под легким ветром, там высоко над головой. Чирикали птички.

Все то ужасное прошлое не могло быть явью! Верно-это только сон, плохой сон. Его надобно забыть и идти дальше, вдыхая полной грудью свежий лесной воздух.

Лес окончился внезапно, словно деревья встали в шеренгу и дальше не пошли.

Жирные бобры при виде человека быстро исчезли под водой. По их забавной, но крепкой плотине Лиз перешла на другой берег, даже не замочив ног.

Она остановилась. Впереди был совсем иной лес. Тусклый, мрачный и серый даже в летний полдень. В него не хотелось идти, совершенно не хотелось.

Лиз села на березовый обрубок со следами бобриных зубов и притихла.

Не совершила ли она глупость, не приняв приглашение Тируэля? Что ее ждет дальше? И где, наконец, обещанный друг?

Солнце еще высоко, но надо спешить. Как далеко она от Неймегена сейчас? Ночевать в лесу Лиз совсем не хотелось. Тропинки впереди она не видела. Идти по берегу вниз по течению как прошлым летом? Почему бы и нет?

— Эй, красавица, не меня ждешь?

Лиз мгновенно встала на ноги.

Из-за куста орешника вышел крепкий мужчина в коричневой одежде. На голове кожаный берет, на поясе кинжал и арбалет за спиной.

"Это-друг Тируэля?!"

Мужчина ухмыльнулся, показав порченные зубы и шагнул вперед.

— Немая что ли? Михель, иди скорее! Тут красotka бесхозная мается!

Из-за дерева выдвинулся еще один молодец в коричневой одежде с рогатиной в руке.

Масляные глазки и ухмылки этих лесных молодцов Лиз совсем не понравились.

— Добрый день, господа. Помогите мне найти дорогу до Неймегена.

Против ее воли голос задрожал.

— Не бойся птичка, мы ласковые! — сказал первый и захохотал. Второй, по имени Михель, криво ухмыльнулся.

— Больно чистенькая, на селянку не похожа. Откуда? Как зовут?

Лиз попятилась.

"Нет, это не друзья Тируэля!"

Глава двадцатая

— Меня зовут-Лиис. Мне нужно в Неймеген. Прошу вас, господа...

Мужчины переглянулись.

— Чего там! Проводим! Только чудок душу отведем, ага?

— Я вам заплачу...

— Само собой, девка, заплатишь!

Первый снял со спины арбалет и положил на траву.

— Ложись и задирай юбку выше!

Мужчины рассмеялись.

Лиз покачала головой и сжала зубы, чтобы не стучали.

Возвращаться к ремеслу шлюхи она не собиралась.

— Ты что? Не согласна?

— Нет!

— Тогда поймем тебя без согласия, чего там! — засмеялся второй.

Лиз медленно отступала к плотине, пятась. Если броситься бежать-догонят и на накинута как голодные псы! Озноб пробежал по спине. "Что же делать?!"

Мужчины приближались, пересмеиваясь.

Внезапный раскатистый рев ударил по ушам. Лиз ахнула и присела, оборачиваясь.

На той стороне реки, у начала бобровой плотины стоял здоровенный бурый медведь, нюхая воздух влажным блестящим носом. Глазки зверя пялились на людей с нескрываемой злобой.

Медведь, убедившись в том, что его заметили и прониклись, коротко рявкнул. Не спеша, косолапя, двинулся к плотине.

Лиз обогнала мужчин только на первые десять шагов, потом они ее опередили, с треском проломившись через кусты орешника.

Обогнув орешник, девушка обернулась и увидела бегущего медведя всего в десяти шагах. С визгом она бросилась к ближайшему дереву и кошкой вскарабкалась на самый верх развесистой березы. Только ощутив как гнуться под ногами тонкие ветви, Лиз остановилась. Сердце выбивалось из груди. Вцепившись судорожно в ветки, она осторожно посмотрела вниз. Тихо ахнула.

Медведь стоял под березой на задних лапах, нюхал воздух и уходит никуда не собирався.

— Ну что за несчастья на мою голову!?

Лиз закрыла глаза и торопливо скороговоркой помолилась. Без крестика на шее она ощущала себя брошенной и покинутой высшими силами.

Она повторяла молитвы еще и еще пока ее не окликнули снизу.

— Красавица, полно там сидеть! Или вей гнездо или спускайся вниз!

Под березой грыз яблоко веселый бородач в кожаной куртке без рукавов, надетой на голое тело.

— А где медведь?

— Убежал.

— Вот как? Поклянитесь!

— Клянусь здоровьем моей матери!

— Кто вы?

— Я-Урс-меня послал Тируэль. Спускайся, Элиза. Опасность миновала!

Девушка перевела дух.

"Он знает мое имя, и он знает Тируэля!"

Спуститься Лиз смогла только до нижних ветвей. До земли не меньше чем полтора человеческих роста и сучьев нет.

"Как же я сюда забралась?!"

Лиз внимательно посмотрела на Урса. У друга Тируэля вся одежда была из кожи. Безрукавка, штаны, мягкие сапожки до колен... На поясе в ножнах длинный кинжал. Арбалет лежит на траве у ног. "Весело ему-улыбается!"

— Я...я. не могу...

— Прыгай, я поймаю!

Урс улыбнулся сквозь рыжую курчавую бороду и протянул вперед крепкие ручищи.

Лиз с сомнением покачала головой.

— Точно-поймаешь?

— Легко и осторожно-как лебязью пушинку!

— Я не пушинка!

— Уже вижу.

Лиз прижала подол платья к ногам. Возмутилась.

— Заглядывать под юбку-хамство!

— Если закрою глаза-то не поймаю. Смелее! Может быть ты желаешь остаться жить на этом дереве?

Лиз вздохнула.

Если спускаться самой-есть шанс что юбка завернется до талии на потеху этому бородачу!

— Прыгаю!

— Ловлю!

Он поймал ее ловко и аккуратно.

Лиз замерла, глядя в веселые карие глаза Урса.

На руках ее мужчины еще никогда в жизни не носили! Это было восхитительно приятно! Урс держал ее на руках легко, без малейшего напряжения. От него пахло терпким потом, кожей и почему-то мехом-теплым, звериным мехом.

— Спасибо.

Лиз настойчиво высвободилась из рук спасителя и опустилась на траву.

— Медведь и впрямь убежал?

— Не бойся, в этом лесу рядом со мной тебя никто не обидит!

"Хвостун, как все мужики!"

Лизправила юбку.

— Далеко от Неймегена мы сейчас?

— Завтра к обеду придем.

— Ого! И ночь будем идти?

— На ночь остановимся в одной таверне тут неподалеку. Ты не голодна?

Лиз вздохнула.

Подкрепится, не мешало бы, за весь день горсть лесной земляники!

"Когда я последний раз нормально ела? До родов..."

В груди начал разрастаться ком тупой боли. Лиз осторожно выдохнула воздух и замерла.

"О, боже! Я забыл о моем малыше! Я-черствая, тупая сука!"

Ощущение потери навалилось на нее душным тяжелым одеялом.

— Эгей, девушка, ты в лице переменялась! Что-то болит?

— Нет, ничего...Спасибо...

Заботливый Урс взял Лиз за руку и вложил в ладонь краюху уже начавшего черстветь пшеничного хлеба.

Она шла следом за Урсом, делала вид что ест, а на самом деле давилась слезами. Комок стоял в горле и проглотить душистый хлеб она никак не могла.

Глава двадцать первая

Таверна на краю леса не имела названия или вывески. Крепкое строение из природного камня с мансардой. Окна уже закрыты ставнями. Сквозь щели сочится тусклый желтый свет. За таверной темными буграми торчали надворные постройки-сарай или конюшня.

Рядом с дверью у коновязи при трех лошадях скучает слуга. В сумерках не разглядеть герба вышитого на груди.

Урс отворил дверь и вошел первым. Лиз торопливо последовала за ним. Запах горелого жира сразу же ударил в ноздри.

При появлении новых лиц шум в зале слегка притих, а потом продолжился. Места за столом, рядом с лестницей наверх, пустовали.

Урс направился к столу, здороваясь со знакомыми за руку. Его, здесь, судя по всему все хорошо знали.

Крепкие красномордые парни, по виду лесорубы или углежоги, хлебавшие пиво из грубых деревянных кружек, косились на Лиз, но не более того.

Урс усадил ее за стол и сел не напротив, а рядом, левым боком к двери, спиной к опорной балке.

Немедленно явилась пухлая девица с двумя кружками светлого пива.

Покосилась на Лиз и сладко улыбнулась Урсу.

— Чего хочет наш медвежонок?

— Жареного мяса кус, чего еще? — ухмыльнулся проводник.

— А для девушки?

— Мне того же самого! — быстро ответила Лиз.

Она сняла с головы уже завядший венок-подарок Тируэля и положила на середину стола.

Урс подбадривающее улыбнулся.

— Поужинаем, а потом спать. На пустой живот хорошего сна не бывает! Верно?

— Согласна.

Лиз обвела взглядом зал. Внутри все было сделано из дерева и очень основательно-могучие тесаные балки опирались на столбы, вытесанные из цельных дубовых стволов.

Тщательно скобленные и отмытые полы желтели, несмотря на пыльные сапоги посетителей. Несколько оплывших свечей на светильнике в виде колеса под потолком давали мало света. Пламя из очага бросало отсвет на лица немногочисленных посетителей.

В очаге, на цепи висел булькающий котел, распространяющий сытный запах каши. Мальчишка лет двенадцати сосредоточенно крутил вертел со свиным бедром, щурясь от жара. Жир капал с треском в огонь и запах горелого разносило по всему залу.

Урс сделал пару мощных глотков, поставил кружку на стол. Облизнул пену с усов.

— Запах не очень, но когда приготовлено-пальчики оближешь! Лора мясо в маринаде держит перед жаркой.

— Это Лора подходила?

— Нет, это ее дочка-Кирса. У тебя есть друзья в Неймегене, давно хотел спросить?

— Чего же не спрашивал?

— Я не болтун, как видишь.

Верно, проводник оказался не болтлив и в пути через лес Лиз это вполне устраивало.

— Да, у меня есть друзья в городе.

— Это хорошо.

По глазам Урса Лиз видела, что у него вертится еще вопрос на языке и опередила его.

— Тебя называли — "медвежонок", почему?

— А, Кирса, она такая болтушка!

Урс смущенно приложился к кружке.

Над головой заскрипела лестница.

Из мансарды спустились двое. Первый в плаще с капюшоном, надвинутым на голову, так что лица не разглядеть, поспешил к двери.

Второй, в ярком пестром костюме, в берете с разрезами, замедлил шаг.

— Урс, дружище!

— Ханс, это ты! Провалится мне на месте!

Мужчины, улыбаясь, крепко обнялись.

Названный Хансом по комплекции не уступал Урсу. Крепкий, широкоплечий, бородатый. На пышной рыжеватой шевелюре его модный берет едва держался. На груди мерцала золотая цепь. На поясе, отделанном золотыми бляшками висел широкий кинжал. Длинный меч в ножнах с вычурным витым эфесом терся вокруг мощной ляжки Ханса, обтянутой синей тканью. Другая штанина имела желтый цвет.

Крупные, блестящие глаза Ханса оборотились на девушку.

— Твоя новая подружка, старик?

— Кузина...э-э-э...Лиис. Сопровождаю в Неймеген.

Ханс вежливо поклонился.

— Кузина Лиис, ваша красота несравненна!

Лиз потупилась под настойчивым взглядом.

— А я еду сейчас. Встретимся завтра в кабаке у Западных ворот?

— Где подают жареные колбаски с чесноком?

— Точно! У меня есть для тебя интересное предложение, дружище!

— В наемники не пойду, Ханс, даже не зови.

Ханс расхохотался и потрепал Урса за бороду.

— Знаю, знаю! Иное есть!

Ханс хлопнул друга по плечо, еще раз поклонился Лиз и двинулся к выходу. Тесные разноцветные штаны туго обтягивали его крепкий зад.

Урс сел на табурет.

— Ханс — кто он?

— Давний друг. С самого детства мы были вместе, вот так!

Урс сжал пальцы в кулак.

— Пару лет назад нанялся в полк князя Фрусберга. Уплыл в Гринландию. Вернулся при деньгах и при чине лейтенанта. Важничает как господин!

— Кому он служит?

— Маркграф Эссена нанял его роту. Ханс теперь ротный командир и птица иного полета. Похоже, что он на тебя глаз положил.

— Вот как?

— Угу.

Про Ханса они быстро забыли. Давешняя девица принесла на деревянном подносе жареную свинину, полкаравая хлеба и солонку с солью. Кипящий жир еще шипел на корочке. Пахло очень аппетитно. Кусок мяса на кости исходил паром.

Лиз проглотила слюну. Как к такому куску подступится?

Урс не долго раздумывал. Обнажил свой кинжал и приступил к разделке. Резал дымящееся, сочное мясо пластами быстро и ловко.

— Налетай, "кузина"!

Глава двадцать вторая

Спать уложили Лиз в комнате в мансарде. Внезапно ставшая лапочкой, Кирса, постелила постель и пожелала спокойной ночи.

Урс остался поболтать со старыми знакомыми. Сказал, что будет спать на сеновале.

После сытного ужина и двух кружек пива Лиз уснула мгновенно, едва коснувшись щекой подушки набитой пахучим лесным сеном.

Сны под утро приснились тревожные.

...В таверне Урс с трудом удерживал дверь от рвущихся снаружи людей. Напрягая все силы, он упирался ногами в пол, но дверь все более и более открывалась. Густая темная масса рук, ног, голов перла в помещение, как будто не люди, а многоконечное и многоглавое чудовище рвалось сюда!

Лиз на ватных ногах бежала к лестнице в мансарду, но ноги ее едва шевелились. Обмирая от страха, она рвалась вверх, на спасительную лестницу....

Люди ворвались в зал и набросились на Урса. Проводник исчез под копошащейся липкой массой.

Лиз почти добралась до первой ступени и протянула руки к перилам. Два огромных черных пса с оскаленными пастьями прыгнули ей на грудь из тьмы мансарды и отбросили на пол.

Лиз закричала, забилась и села на постели.

В душном сумраке она почти ничего не могла разглядеть. Горло пересохло.

"Это сон, только сон! Все приснилось!"

Она легла в постель, отбросила в сторону одеяло.

Только уснуть больше не смогла. Лежала и смотрела, как наливается светом щель между закрытыми ставнями. В мир приходил неторопливым шагом рассвет нового дня.

Множество вопросов теснилось в голове. Узнает ли ее Тоффини?

Днем после встречи с Урсом, она все же посмотрелась в зеркало воды тихой речной заводи. Тируэль не только изменил цвет ее волос. Нос стал чуть длиннее, а лицо овальнее и смуглее, а главное — зеленые глаза превратились в карие...

Она смотрела на себя в оцепенении. "Это не я, о, боже, не я..."

Лиз еще раз пережила момент знакомства со своим новым обликом и вздрогнула, кутаясь в одеяло. Волшебное превращение вызвало страх и оторопь.

Да, все верно! Замечательно! Лесной дух спас ее жизнь и изменил внешность. Она лишилась малыша, но теперь она свободна и ее никто не ищет!

Она умерла для всех-девочка Элиза. Она осталась там, в неглубокой лесной могиле...

"Что я скажу мэтру? Поверит ли он мне?"

Лиз положила ладонь на живот.

"Где теперь моя крошка?"

Тируэль прав. Вернуть ребенка, забрать его из когтей герцогини Марлис невозможно простой горожанке.

Лиз поплакала и не заметно для себя уснула опять.

Утром они направились в Неймеген. Селянин ехавший на рынок с корзинами, полным квохчущими курицами, посадил Урса и Лиз в свою повозку.

Селянину было скучно. Урса он хорошо знал, и завязалась пустопорожняя беседа. Хмурая Лиз слушала вполуха.

— Болтают, что будет вскорости война.

— Тебе дядюшка Гуго виднее.

— Вот то-то и оно, что виднее! Пацанов рождается больше чем девок-верная примета-быть войне! Вон и герцогиня Дармштадская мальчика родила на днях, посмертного наследничка.

Лиз вздрогнула и наострила уши.

— Герцога господь прибрал, а вдовушка его, раз и понесла! А иначе, бездетной ей прямая дорога в монастырь, а герцогство бы перешло к Лимбургским графам.

— Все то ты знаешь, Гуго!

— Об этом зять мой, Хельмут все уши прожужжал. Он в конюхах у герцогини, так им бочку вина выкатили и по десять гульденов всем выдали!

— Всем слугам? Врешь?!

— Истинный крест! Герцогиню такой доброй да ласковой отродясь не видали. Она в железных рукавицах всех держит-ей не бабой, а мужиком надо было родиться!

— Так что же ребенок? Где он? — вмешалась в разговор Лиз.

— Известно где — во дворце у няnek и кормилиц в ласковых ручках. Где ж ему быть?

— И на кого он похож?

— Говорят-вылитый покойный герцог!

Лиз вздрогнула.

— Разве герцог умер?

— Умер, как не умереть! Еще по осени! Покалечил его на охоте кабанище лютый. Только по одежде и опознали! В гробу лежал в соборе под кисеей тонкой, чтобы не пугать, значит, родственников ужасным видом!

"Туда ему и дорога, уроду!"

Что убило герцога-чары картины или кабан на охоте Лиз совершенно не интересовало.

Лошадка дядюшки Гуго шла ходко, в повозке было скучно и тряско. Группу всадников появившуюся позади Лиз сразу заметила.

— Урс, смотри!

Проводник чертыхнулся. Они ехали у подножия безлесного холма. Справа пологий склон, слева поле пшеницы. Прятаться негде.

— Сиди смирно. Может пронесет! Говорить буду я!

Гуго сдернул шапку с головы, обнажив изрядную лысину и свернул повозку на обочину. Всадники миновали повозку, не замедляя коней.

Впереди скакали два хохочущих господина в ярких одеждах. Перья, пристегнутые к беретам, вились на ветру.

За господами скакала свита: конюхи, слуги, егеря и сокольничие. Смех, свист, громкие крики.

Ярко и богато одетые веселые молодые люди с блестящими глазами и развевающимися по ветру волосами.

Пронеслись с грохотом, только пыль клубами. Лиз закрыла глаза рукавом.

— Кто это, Урс?

Вместо Урса ответил Гуго:

— Бароны Раймштейн с охоты едут. Чтоб их!

Лиз вздрогнула и перекрестилась.

Этим уродам не стоит на глаза попадаться!

За холмом дорога шла под гору, и стал, виден город Неймеген.

Башни, городская стена, россыпь крыш и шпили церквей. За городом блестела как рыба чешуя Рир. Пологий склон покрывали кусты и редкие, молодые деревца. Солнце светило в лицо и не давало, как следует все разглядеть, всю открывающуюся панораму.

— Еще немного осталось.

Гуго нахлобучил шапку и взялся за ручку деревянного тормоза.

— Спасибо, дядюшка, мы здесь сойдем!

— Вроде в город собирались?

— Передумали.

— Хе-хе... дело молодое.

Урс спрыгнул с повозки и подал руку Лиз.

Босые ее ноги погрузились в теплую дорожную пыль.

Урс повесил потертую кожаную сумку на плече. Потянул Лиз за собой с дороги за кусты.

— Почему мы не едем с Гуго до города?

— Люди Раймштайнов к нам приглядывались-не стоит рисковать.

Глава двадцать третья

Далеко они не ушли. Забрались под кусты бузины. Отсюда было хорошо видно дорогу и удаляющуюся повозку дядюшки Гуго.

— Если не хочешь рисковать-зачем здесь сидеть?

— Хочу убедиться. Буркнул Урс. — Ага, вот и они!

Со стороны города три всадника подскакали к повозке и окружили ее. Горячили коней. Дядюшка Гуго вертелся как угорь на сковороде. Получил по спине плетью, сторбатился, указал рукой назад.

Урс ругнулся сквозь зубы.

— Убедился?

— Ложись и замри-побежим-заметят!

Лиз легла на живот и прижалась щекой к земле. Она закрыла глаза и зашептала молитву.

В тени под кустами в зеленом платье ее вряд ли увидят...

Вскоре она услышала стук копыт. Всадники пронеслись по дороге.

— Это точно люди Раймштайнов...-прошептал Урс.

— Чего им надо?

— Предлагаешь встать и спросить?

Лиз фыркнула.

Урс привстал на колени.

— Уходим!

Он крепко взял Лиз за руку. Оглядываясь то и дело они побежали, лавирую между кустов и деревьев подальше от дороги. Добежав до леса, рухнули под елку на мягкий

пружинистый слой павшей хвои. Лиз подтянула левую ногу ближе, стараясь рассмотреть ступню.

— Что?

— Наколола на что-то пока бежала...

Проводник нагнулся, потрогал осторожно большими широкими пальцами.

— Ничего страшного-царапина.

Урс шлепнул себя по лбу.

— Я совсем позабыл! Кирса дала в дорогу свои старые сандалии.

— Для меня?

— Ага.

Он порылся в сумке своей и вытащил на свет потертые сандалии и узелок с чем-то копчененьким. Лиз проглотила слюну.

— Надевай сандалии и перекусим.

Урс развязал узелок и протянул девушке ломоть хлеба с куском копченого мяса.

Лиз съела свою долю очень быстро. Но Урс умял бутерброд еще быстрее-в два укуса.

Потом подогнал по ноге сандалии.

— Старые, но лучше чем ничего.

Улыбнулся так открыто и светло, что у Лиз замерло сердце.

Солнце пробиваясь через еловые лапы золотила волоски в его лохматой шевелюре. В карих глазах парня мерцали искорки.

— Спасибо. Как же мы теперь пойдём в Неймеген?

— Придется сделать крюк.

Лиз как привязанная шла за Урсом. Тот безошибочно находил в лесу направление, обходил заранее павшие деревья и завалы.

"Без него бы я заблудилась!"

— Так близко от города и такой дремучий лес! Вот не думала!

Урс издал короткий смешок.

— Разве это дремучий лес? Да здесь прямо епископский сад! Не видала ты настоящего древнего леса!

— А чей это лес?

— Епископа Рирского, конечно. Деды рассказывают, что когда они были молодые-за срубленное дерево егеря епископа вспарывали лесорубу живот и, прибив конец кишки к дереву заставляли бегать вокруг, пока все потроха наружу не вылезут. Дерево было дороже человека. Дереву расти надо пятьдесят-шестьдесят лет, а человек сам собой растет и плодится как помойные мухи...

— Это какие-то страшные сказки!

— Нет, кузина, это не сказки, а самая паскудная правда! Зимы были холоднее, чем теперь, а дрова не купить и не срубить. Люди замерзали целыми семьями в ледяных хижинах. Кто хитрее рыл норы в земле, как кроты. В земле то теплее...Чтобы все не сдохли-добрый епископ разрешил собирать хворост, но не больше чем сумеешь унести в руках.

Летом, в жару отчаянные головы поджигали лес. Таких ловили и рвали лошадьми на куски живьем. Веселые были времена....

— Что было нужно людям баронов от нас, как ты думаешь?

— Думаю, что им нужна была ты. Бароны с одинаковым рвением охотятся и на косулей и на девок. Разве ты не знала?

— Знала...

— То-то и оно.

Когда впереди появилась освещенная солнцем поляна, Урс приложил палец к губам.

Нагнулся. Тихо прошептал на ухо Лиз:

— Здесь хижина смолокуров стоит. Больно тихо... Я посмотрю. Чтобы не случилось-не двигайся и ни звука. Ага?

Лиз кивнула и присела под дерево, обняв колени. Погладила ткань. Жалко в таком платье по лесу бегать. Вот и пятна какие-то появились...

Между деревьев мелькнула тень. Урс двигался быстро и практически бесшумно. Как у него выходит?

— Стоять! А ну стоять! — заорал кто-то басом со стороны поляны. Тугие щелчки — раз и другой!

Лиз замерла.

Это не голос Урса!

"Он сказал сидеть тихо. Я буду сидеть. Он сейчас придет. Все хорошо. Боже, помоги ему!"

Лиз обхватила руками плечи и сидела почти не дыша.

— Там, оттуда пришел!

— Быстрее, бездельники!

Треск сучьев под быстрыми шагами.

Лиз подняла голову и окаменела. Озноб пробежал по спине.

От поляны шли двое. С взведенными арбалетами в руках.

Она не сдвинулась с места. Крепкие парни в добротной одежде встали напротив, ухмыляясь. На груди вышитые гербы Раймштайнов-красный скакун на золотом поле.

— Как зовут? Откуда?

— Немая?

Без долгих разговоров, не дождавшись ответа, парни подхватили Лиз под руки и потащили к поляне. Она шла, тупо шла, повинувшись им и не делая попытки высвободиться.

"Урс? Что с ним?!"

Нехорошие предчувствия камнем залегли на грудь.

Трава на поляне вытоптана. Возле убогих шалашей кучка перемазанных в смоле худых мужчин.

Три лошади под седлами нервно храпят у дерева, перебирая ногами.

— А вот и наша птичка! Недалеко улетела!

Весело воскликнул третий всадник. У Лиз замерло дыхание. Она узнала этого человека! Длинный нос... тонкие губы... Он три года назад платил Шульцу деньги за нее! Он отвозил ее в замок к поганым насильникам!

Она в ужасе вскрикнула, рванулась из рук слуг и побежала к лесу. Ее быстро нагнали. Скрутили. Заткнули рот тряпкой и, связав руки, сноровисто перебросили как тюк поперек седла. Сверху Лиз увидела лежащего лицом вниз в выгоревшей траве Урса. Из спины его торчали два оперенья арбалетных болтов. Руки бессильно раскинуты.

Слезы закипели в глазах девушки.

— Симон, "медвежонок" еще дышит. Дорезать?

— Сам сдохнет. Пусть напоследок помучается, ублюдок!

Всадник поднялся в седло. Шлепнул Лиз по задку. Она яростно задергалась и замычала.

— Эй, черномазые скоты! Закопайте дохлятину подальше, как кончится!

Глава двадцать четвертая

Двор замка наполнило цоканье подков.

Стражники затворили ворота за въехавшими.

Бешеная скачка закончена.

Сомлевшую Лиз передали на руки двум дюжим тетками.

Они занесли пленницу через дверь по темному коридору в высокую теплую комнату, освещенную тусклым светом из узкого окна и мерцающим пламенем десятка свечей.

Ее освободили от веревки и от кляпа и тут же принялись раздевать.

Она не сопротивлялась. Словно кукла...

Будто и не с нею это происходило. Будто она наблюдала со стороны... Большой чан для мытья полон парящей водой.

"Ритуал не изменился... Сначала помыть, а потом употребить..."

Тетки в синих платьях, широкоплечие, похожие на переодетых мужиков вертели Лиз как младенца. А у нее в глазах был только умирающий в жухлой траве Урс...

Голую отвели по лесенке в чан и взялись за мыло и мочалки.

Ее тщательно вымыли и, завернув в простыню, отвели в комнату, где уже на столе стояли разнообразные аппетитные блюда.

"Может это те же женщины что были здесь три года назад?"

Лиз смотрела в лица женщин, удивляясь их невозмутимости и спокойствию.

Сколько девушек прошло через их руки?

Тетки просто выполняют свою работу. Подготавливают для господ баронов развлечения на вечер и ночь. Хорошие старательные слуги...

— Угошайся. Это все для тебя.

Лиз хоть и села на стул, к еде не притронулась. Она была голодна, но знала что в еду и питье уже добавлено сонное снадобье. Так было уже... Три года назад... Целую жизнь назад!

Она подняла глаза на служанок, пытаясь разглядеть в их глазах хоть искру сочувствия.

В ответных взглядах равнодушие и холод. Холод до мурашек по спине...

— Вы даже моего имени не спросили. И не назвали свои имена.

Одна из теток свела брови к переносице.

— Это дело господ-спрашивать имена. Зачем тебе имена?

— Чтобы помолиться за вас. — Кротко ответила Лиз.

Тетки встревожено переглянулись.

— Ты устала и хочешь есть. Не теряй времени.

— Где я и что меня ждет?

— Девочка, ты в гостях у наших господ. Выпей вина за их здоровье.

Забулькало вино, вливаясь в серебряный кубок.

"Жаль что ножи и вилки из серебра..."

— Я не голодна и пить вино не буду.

Тетки замерли с обеих сторон стула, на котором сидела, гордо задрав подбородок розовая от купания девушка.

— Отказываясь пить за здоровье господ баронов Раймштайн, ты наносишь им оскорбление, девочка!

— О, ваши господа так чувствительны?!

Тетки долго уговаривали Лиз не ломаться и скушать и выпить хоть глоток.

Девушка больше не говорила, а только злобно мотала головой.

Служанки сдались и, в конце концов, отвели ее в комнату без окон.

Широкая постель без балдахина с мягкими подушками. На скамье у стены в ряд толстые свечи ровно и ярко горят.

Озноб пробежал по спине. Та самая комната...

Лиз нарядили в длинную ночную рубашу и уложили в постель. Как только служанки вышли и щелкнул замок, она быстро встала.

Поставила одну свечу на пол, осторожно чтобы не погасла, остальные просто сбила подушкой.

Подтащив тяжелую скамью к двери, Лиз подсунула ее конец под дверную ручку, а другой конец пришелся очень удобно в ножку кровати.

Дверь толстая и открывается вовнутрь—это она заметила, входя.

"Чтобы высадить дверь—им придется повозиться!"

После этого Лиз опустила на колени и стала молиться.

Она просила помощи, она просила небесного правосудия и ждала с замиранием сердца шагов и стука в дверь.

В дверь никто не постучал. Потрескивала свеча, озаря узкую комнату ровным светом.

Покончив с молитвами, Лиз легла на постель, свернувшись калачиком.

Она знала, что ее ждет: боль, насилие, а может быть и смерть...

Мысленным взором Лиз окинула свою небольшую жизнь.

В этой тусклой жизни, полной лишений и страданий ей виделось только два радостных, ярких огня—любовь Марко и ее малыш...Она так его и не увидела...

Лиз скрипнула зубами и смахнула слезы ладонью.

Она ждала долго. Свеча почти на половину прогорела, когда послышался шум.

Дверь толкнули. Удивленное восклицание.

Еще одна попытка. "Слабо стараются..."

— Ты не в ту сторону вертишь ключ!

— Попробуй сам!

Двое мужчин, переругиваясь, пытались открыть замок. Скрежетал ключ и без толку.

Лиз сидя на края постели слушала перебранку и мрачно усмехалась. Один из баронов отправился за топором. Оставшийся ходил по коридору, время от времени со злобой пиная дверь.

— Открывай, сучка! Открывай!

Барон рычал и сквернословил.

Лиз сидела тихо, не издав ни звука.

Барон вернулся не один. Еще бы! Будут светлейшие господа потеть и трудить руки!

Слуги взялись рубить дверь в два топора. Дверь стонала и дрожала как живая...Грохот поднялся адский!

От страха и волнений Лиз дрожала, прикрыв уши обеими руками.

Крупные щепки падали на пол. В двери засветились все более расширяющиеся щели.

Лиз ухватила мелькнувшую мысль за хвостик.

Подобрала острую щепку, попробовала пальцем. Крепкая и острая...

"Куда ее воткнуть, чтобы достала до сердца, чтобы все кончилось разом?"

Мысль о самоубийстве показалась заманчивой, но только на долю мгновения.

Внезапно за дверью раздался нечеловеческий гулкий рев. Торжествующий, злобный, протяжный. Вибрирующий звук проник наверно до мозга костей!

Лиз вскрикнула и выронила щепку.

Удары топоров в дверь немедленно прекратились.

— Что это, черт возьми!

— Вот он, вот он! А-а-а!!!

Крики ужаса, удары, топот. Снова звериный рык, только удаляющийся.

Лиз на цыпочках приблизилась к двери, прислушалась. Кто-то хрипел за дверью, на полу, словно не мог никак протолкнуть воздух через горло.

"Кто же на них напал?!"

Лиз покрылась мурашками как на ледяном ветру и, шмыгнув за кровать, забилась в угол, обняв дрожащие колени. От невыносимого ужаса волосы шевелились на затылке.

Лиз, беззвучно шевеля губами, произнесла молитву. Потом еще и еще...

На стене напротив засветились расплавленным золотом тонкие линии. Девушка ахнула и смолкла.

Линии образовали, прямоугольник размером в дверной проем и погасли. В стене образовалась дверь. Прямоугольник штукатуренной стены прямо на глазах превратился в деревянную дверь на петлях с кованными из темного железа перемычками! Дверь беззвучно без малейшего скрипа плавно начала открываться вовнутрь.

Глава двадцать пятая

Лиз не могла пошевелить языком и сравнилась неподвижностью с в ледяной статуей. От ужаса она даже глаза не смогла закрыть! Мышцы живота сжались как в судороге...

Дверь завершила свое мучительное открывание и на пороге возникла черная фигура...

Человек откинул капюшон плаща на спину, шагнул вперед.

— Элиза, девочка моя, как ты? Все в порядке?

Тоффини присел на корточки и протянул руки Лиз.

— Ты вся холодная, ты дрожишь. Я успел вовремя?

Дрожащей рукой Лиз коснулась щеки мэтра.

— Это и в самом деле вы? А дверь? Откуда она?

Злобный рев донесся из-за двери. Ему вторил еще один звериный рык с другого крыла здания.

— О, боже!

Тоффини помог Лиз встать.

— Уходим скорее, пока всем стало не до тебя!

— Кто это рычит, мастер, так злобно и громко?!

— Это львы.

— Львы? Здесь?

— Львы с картины Марко, если ты помнишь такую. Идем же!

Обняв Лиз за талию, мэтр почти поволок ее через новую дверь, потом через полутемную комнату. Ущербная, неполная луна щерилась в окно.

"Львы неживые же! Их нарисовал Марко! Кто их оживил? Но ожила же нимфа на картине в замке герцога! Тоффини-колдун?!"

Мысли неслись вскачь, а ноги не желали идти. Хотелось упасть на пол, закрыть глаза и проснуться... Она с трудом заставляла себя передвигать ноги, словно налитые свинцом.

По узкой лестнице озаренной трепещущим светом тусклого фонаря, они почти скатились вниз, потом вышли под аркой во двор. Во дворе на стенах пылали факелы, только не души вокруг. Всего в нескольких окнах мерцает свет.

"Где же стража, где слуги?!"

От холодного камня стыли босые ноги. Как ни странно — этот холод на подошвах ног привел Лиз в чувство.

Тоффини то и дело тревожно озирался по сторонам. Временами доносившиеся из двухэтажного замкового здания горловые вопли львов, прибавляли ему живости в движениях.

— Мастер, а львы они тоже и на нас могут напасть? — шопотом спросила девушка.

— Львы-звери и у них нет хозяина. — Коротко бросил мастер. Он на ходу выдернул с держателя факел и привел Лиз, но не к башне ворот, ярко освещенной факелами, а к замковой стене, сразу рядом с конюшней.

За запертыми воротами храпели и взвизгивали испуганные лошади.

— Держи.

Лиз взяла факел обеими руками и держала прямо перед собой.

Тоффини выхватил из кошелька на поясе что-то блестящее и торопливо прочертил на стене две вертикальные линии, потом две горизонтальные.

Лиз поняла, что он нарисовал контур двери.

"Он магией откроет дверь в стене! Он настоящий маг!"

Закончив рисовать, Тоффини отступил на несколько шагов и нараспев произнес странные гортанные слова.

Линии, начерченные мэтром немедленно налились золотистым светом. Контур подернулся легкой дымкой и вот на глазах восхищенной Лиз в стене возник дверной проем с деревянной дверью, окованной блестящим железом. Тоффини успокоительно улыбнулся Лиз и взялся за дверную скобу.

Горловое рычание позади стерло улыбку с лица мастера. Лиз покрылась мурашками и зажмурилась со всех сил сжав кулаки. Ноги онемели...

Тоффини выдернул из безвольных рук девушки факел и шагнул вперед, прикрывая ее собой.

— Элиза, уходи через дверь, быстрее.

— Я...не могу...

Она открыла глаза и захлебнулась воздухом. Вцепилась обеими руками в мэтра.

Возле угла конюшни стоял лев. Не нарисованный, а самый что не на есть живой! Желтый, пыльный, с темными пятнами на лапах и морде. Темно-коричневая, немного свалывшаяся, грива обрамляла огромную морду с маленькими глазками. Лев хлестнул себя по ногам тугим толстым хвостом с мохнатой кисточкой на конце.

Он не показывал крики, он просто смотрел на людей. Нехорошо смотрел. Как на закуску...

Он сощурился на свет факела, потрянул головой.

— Элиза...

Мэтр пятился и вцепившаяся в него девушка тоже была вынуждена пятиться.

Лев шагнул следом. Понюхал воздух и рыкнул.

Охваченная животным страхом Лиз не обратила внимания на скрип за спиной. Когда крепкие ручищи сцапали и девушку и мэтра и поволокли через дверь в стене, она просто провалилась в обморок.

Лев прыгнул, но встретил вместо двери и пахучих людей каменную кладку.

Помотал озадаченно ушибленной башкой и затрусил прочь.

Лиз пришла в себя в лодке, качающейся по темным водам. Плещет вода под веслом. Небо полно звезд.

"Куда же спряталась ущербная луна?"

Кто-то мокрым платком протирал ей лицо и грудь. Рубашка спереди вся промокла и неприятно липла к телу

— Достаточно, Прошу вас...

— Все хорошо, все хорошо, девочка, мы уже выбрались в Рир.

— Мастер, это вы, в самом деле? Мне не приснилось?

Лиз села на скамью при помощи Тоффини. Обернулась. На корме лодки сидел темный большой человек и веслом плескал по воде.

— Куда мы плывем?

— В Конфландию. В Тевтонии нам больше делать нечего.

Тоффини набросил Лиз на плечи шерстяной плащ и заботливо укутал до горла.

— А как же ваш дом, ученики, заказы?

— Главный заказ выполнен. Мои люди еще в прошлом месяце выехали с торговым караваном в Италику. Я ждал новостей от Тируэля и потому задержался.

— Так вы все знаете?

— Да.

Река несла лодку, мягко покачивая как мать дитя в колыбели.

— Что же со мной будет? У меня забрали моего... маленького... Герцогиня украла моего сына, мастер!

— Мы вернем его.

— Правда?

— Конечно. Только не сейчас. Немного позже.

Тоффини обнял Лиз за плечи и поцеловал в макушку.

У нее внезапно появился ком в горле и она не смогла больше говорить. Положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Угревшись, она незаметно уснула, и старый художник бережно держал ее в своих объятиях, не двигаясь, несмотря на ломоту в пояснице.

Уже на рассвете лодка ткнулась в глинистый берег.

Тоффини помог Лиз выбраться на берег.

Она обернулась, чтобы поблагодарить лодочника и ахнула, прикрыв рот ладонью.

Урс ухмыляясь в бороду, отсалютовал ей веслом.

— Ты жив?! Как?! Я видела... Ты призрак?

— Урс — оборотень. Его не зря зовут — "медвежонок". — Шепнул, наклонившись, Тоффини. — Два арбалетных болта не причина, для того чтобы ему умирать.

— Счастливого пути мастер! Будь счастлива, Элиза!

Урс подмигнул девушке и оттолкнулся веслом от берега.

— Почему он не едет с нами?

— На том берегу его родина. Там его лес, что дает силу. Он никуда не уедет из этих мест.

— Еще встретимся, значит... — прошептала Лиз, смахивая слезу и махая удаляющемуся Урсу.

ЭПИЛОГ

Узнав о смерти любимых племянников епископ рирский потерял сознание и через два дня умер, так и не придя в себя.

Неймеген в шоке и страхе, запирал ворота еще засветло. Горожане запирались в домах и сидели, щелкая зубами от страха, как голодные волки в феврале.

Слухи ходили один кошмарнее другого.

Шайку разбойников, вырезавшую всех обитателей замка Раймштейн тщетно искали в лесах люди всех окрестных владельцев.

Каких-то бродяг егеря дармштадской герцогини перевешали у опушки леса.

В имперской столице, в белом городе Левенштадт, завязалась свара за место рирского епископа.

Посланник понтифика при дворе императора пробивал через имперский совет свою кандидатуру, но император настоял на своей креатуре.

Почтенный прелат, хлопнув дверью, уехал в Италику.

Новые события затмили эти своей значимостью.

В устье Рира высадилась гринландская армия, чтобы поддержать императора Иммануила в борьбе за нижние земли.

Молодой король Грант мечтал о лаврах непобедимого завоевателя и покорителя. На континенте заваривалась крутая и горячая каша.

А в это время в Бомпорно, в столице Умбрийского герцогства известный живописец Тоффини выдавал замуж свою дочь-Лизу.

Невесту по обычаю одетую в алое платье под белой фатой из собора вел весьма довольный молодой муж — Ландольфо Орсини, из влиятельного и знатного рода.

Горожанки в толпе злословили о том, что не могло того быть, чтобы мужеложец Тоффини смог породить из своих чресел прекрасную девицу. Девица-это переодетый юноша! Любовник Тоффини! А всем окружающим просто морочат голову! На что смотрит святая церковь?!

Скорее всего, он удочерил любовницу какого-то влиятельного нобиля! — возражали другие.

Третьи говорили о том, что Тоффини привез с севера кучу серебра, а у Орсини уже во втором поколении ветер свищет в карманах! Всю семейку можно купить оптом и недорого как пучок вялой петрушки к концу базарного дня!

Невеста спускалась по ступеням собора, осторожно придерживая подол, расписанный бисером. Ладные красные башмачки постукивали весело.

Молодые, провожаемые родней с обеих сторон, сели в лакированную карету с гербами, осыпаемые зерном для богатства и плодородия.

Веселые пажи с запяток начали метать горстями в толпу зевак серебряные монеты.

Сплетники тут же примолкли. Началась драка за дармовые деньги.

В карете, на мягких подушках, Элиза откинула вуаль назад и позволила мужу поцеловать ее в губы по настоящему.

"Однако, умелые поцелуи!" — одобрительно подумала она через пару минут.
Так крестьянская девочка стала госпожой Орсини.
Что было дальше-это совсем иная история....

Больше книг на сайте - Knigolub.net